

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

БЕРЛИН-45

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

До весны 1945 года русские войска дважды брали Берлин. В первый раз — во время Семилетней войны в августе 1759 года. Второй раз — во время коалиционной войны против Наполеона Бонапарта. И вот настали сроки третьего взятия. После окончания Ялтинской конференции, прощаясь с “дядюшкой Джо”, Черчилль и Рузвельт в один голос сказали:
— *До свидания. До встречи в Берлине.*
— *Милости просим, — ответил Сталин.*

ДРАКА ПРЕДСТОИТ СЕРЬЁЗНАЯ...

1 апреля 1945 года Черчилль написал американскому президенту Рузвельту: “...Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убеждённость, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они. Поэтому моё мнение таково, что с политической точки зрения мы должны

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости”.

Говорят, содержание письма, посланного с одного континента на другой, благодаря усилиям советской разведки тут же стало известно “дядюшке Джо”, и он мгновенноотреагировал. Во-первых, войска фронтов центрального направления начали готовиться к решающей атаке на Берлин. Во-вторых, следом за письмом Черчилля в Белый дом полетело послание Сталина. На первый взгляд, совершенно по другому поводу. Но тема была всё та же.

“Лично, строго секретно.

От маршала И. В. Сталина президенту господину Рузвельту.

Отправлено 3 апреля 1945 г.

Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне.

Вы утверждаете, что никаких переговоров не было ещё. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться вглубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников — русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами”.

Тем временем армии центра расширили Кюстринский плацдарм (1-й Белорусский фронт) и вели успешное наступление в Силезии (1-й Украинский фронт). Одновременно войска проводили перегруппировку, накапливали ресурсы, принимали пополнение.

В создавшихся обстоятельствах, при том, что планы союзников относительно Берлина были неясны и двусмысленны одновременно, и с военной точки зрения, и с политической затягивать с Берлинской операцией было нельзя.

Г. К. Жуков вспоминал: “29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отрабатывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлёвский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:
— Думаю, что драка предстоит серьёзная...”

Основу обороны подступов к Берлину и самого города составлял одерско-нейсенский оборонительный рубеж и непосредственно берлинский оборонительный район. Главная оборонительная линия имела до пяти сплошных полос траншей, первая из которых проходила по восточным берегам рек Одер и Нейсе. За нею начиналась вторая линия, основу которой составляли Зееловские высоты. Высоты закрывали Кюстринский плацдарм и непосредственно берлинское направление. Именно Зееловские высоты были наиболее насыщены инженерными сооружениями, тяжёлым вооружением и защищались надёжными частями и соединениями. Этот оборонительный район защищали четырнадцать дивизий противника. Накануне советского наступления их численный состав был доведён до штатного.

За высотами находилась следующая полоса.

Атака началась в пять утра по московскому времени, за два часа до рассвета. На участке 1-го Белорусского фронта немецкую оборону обрабатывали 9 000 орудий и миномётов и 1 500 “катюш”. Артиллерийское наступление проводилось на отрезке в 27 километров, где планировался основной прорыв.

Что касается “прожекторной атаки”, то её эффективность и непосредственными участниками тех событий, и историками оценивается как сомнительная. Тем не менее, на отдельных участках уцелевшие пулемётные и противотанковые расчёты оказались ослеплены мощным светом прожекторов и не могли вести точного огня.

Первые часы наступление шло успешно. Авангарды ударной группы вышли к траншеям второй полосы. И тут началось ожесточённое сопротивление. Стрелковые соединения не смогли преодолеть мощных инженерных сооружений Зееловских высот, плотно набитых огневыми средствами. Пехота залегла. Продвижение застопорилось. Успех операции оказался под угрозой. Чтобы сдвинуть войска с места, Жукову пришлось срочно вводить в дело 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Противник отреагировал вводом в бой на этом участке оперативных резервов группы армий “Висла”. Только к утру 18 апреля, то есть на третьи сутки наступления, войска 1-го Белорусского фронта овладели Зееловскими высотами. А к исходу 19 апреля была прорвана и третья линия обороны противника.

Затем артиллерия 3-й ударной армии нанесла мощный удар по Берлину. А на следующий день, 21 апреля авангарды 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий завязали бои на окраинах вражеской столицы. Совершив многокилометровый марш-маневр с левого фланга 1-го Украинского фронта на правый, на южные окраины города вышли танки П. С. Рыбалко. Началась битва в самом Берлине.

По оценке советской разведки, гарнизон Берлина насчитывал более 200 000 солдат, офицеров и бойцов фольксштурма при 3 000 орудий и 250 танков. Каждый дом был превращён в крепость. Каждая улица — в цитадель. Подземелья служили коммуникациями, по которым перебрасывались резервы и боеприпасы.

В уличных боях среди плотной застройки, частично разрушенной авиацией и артиллерией, наилучшим образом себя проявили небольшие по численности штурмовые группы: до взвода мотопехоты, отделение сапёров, два три орудия, в том числе одно противотанковое, самоходка и танк.

Наши штурмовые группы и второй эшелон буквально прогрызали сплошную оборону противника. Драка шла за каждым дом. “Фаустников” и засевших в развалинах и полуподвальных помещениях домов приходилось выковыривать огнём артиллерии, выжигать огнемётами. К полудню 28 апреля штурмовые группы 3-й ударной армии в бинокли сквозь дым и рыжую кирпичную пыль увидели здание рейхстага. А к исходу 29 апреля батальоны капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова овладели зданием министерства внутренних дел. Следующим был рейхстаг.

На этот день командование 1-го Белорусского фронта назначило общий штурм. Вначале была проведена тридцатиминутная артподготовка, затем войска пошли в атаку.

Начальник Генерального штаба, генерал пехоты Кребс встретился с командующим 8-й гвардейской армией генерал-полковником В. И. Чуйковым и передал ему письменное обращение Геббельса и Бормана о том, что Гитлер покончил с собой, что власть передана Дёницу, Борману и ему, Геббельсу, что он, Геббельс, уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа. Командующий армией выслушал Кребса и, как солдат солдату, заявил, что не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона. Чуйков связался по телефону со штабом фронта. Жуков задал Кребсу два вопроса: где находится труп Гитлера и обратилось ли одновременно германское правительство с аналогичной просьбой к командованию англо-американских войск?

Кребс ответил, что труп Гитлера сожжён и что с командованием англо-американских войск у них связи нет.

30 апреля бой шёл уже в здании рейхстага. Над зданием разведчики 674-го стрелкового полка подняли штурмовой красный флаг, ставший Знаменем Победы. Бои в здании продолжались.

В этот день гвардейцы Катукова вели штурм Зоологического сада, 2-я гвардейская танковая армия с 1-й польской дивизией дралась в районе Тиргартена.

1 мая бой в здании рейхстага продолжался. В этот день застрелился генерал Кребс и многие другие офицеры побеждённой германской армии. Потери Красной армии в Берлинской операции за этот день составили 254 человека убитыми и 893 ранеными.

2 мая немцы капитулировали.

“БРОСОК “ЧЁРНОЙ ПАНТЕРЫ”

Десятилетия спустя командир 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, гвардии полковник Амазасп Хачатурович Бабаджанян, уже став главным маршалом бронетанковых войск Советской армии, в одной из своих мемуарных книг написал: “Победителей судят. Судят дважды: современники — однополчане тех, кто полёг; история, которая в назидание тем, для которых цель оправдывает средства, сохранила воспоминания о пирровой победе. Но первый суд, суд однополчан, может быть, самый суровый, ибо он требует ответа за человеческие жизни. Тот, кому они доверены, имеет право рисковать и жертвовать ими гораздо меньше, чем своей собственной. И потому обязан всегда и при всех обстоятельствах, и во имя любой цели руководствоваться единственной мыслью: а всё ли я сделал, чтобы избежать этих жертв?”

Амазасп Бабаджанян, Армо, как его называли в дивизии боевые товарищи, прошёл всю войну от Ельни и Смоленска, через огонь Курской битвы, освобождал Украину, участвовал в Висло-Одерской операции и вот дошёл до Берлина.

Пятого апреля командующие армиями, члены Военных советов и начальники штабов армий, командиры корпусов собрались в штабе 1-го Белорусского фронта на окраине небольшого немецкого городка Бирнбаум. Ни до этого часа, ни накануне никто не произнесил слов “Берлин”, “штурм” и подобных. Личному составу говорили о приготвлении к “очередной наступательной операции”. Солдаты же — народ мудрый — тонко чувствовали напряжённый нерв войны и поговаривали о своём, о конце войны, о доме, часто упоминали “логово” и с беспокойством поглядывали на запад, где каждый вечер садилось тёплое весеннее солнце, обливая розовым молоком уцелевшие зацветающие сады. В шестидесяти километрах от танков и самоходок 11-го гвардейского корпуса, тщательно замаскированных в садах, перелесках и лесополосах, лежала столица Германии, это ненавистное “логово”. И вот они, танкисты, самоходчики, артиллеристы, миномётчики, санитары, ремонтники-оружейники, механики, пехотинцы, шофёры, поглядывая на заходящее солнце, терпеливо ждут последней атаки.

Вошли командующий войсками фронта маршал Жуков, член Военного совета фронта Телегин, начальник штаба Калинин.

Начал командующий. Тихо, делая после каждой фразы небольшую паузу и подчёркивая важность и своих слов, и обстоятельств, в которых они проводят своё совещание, произнёс:

— Был у Верховного. Обстановка складывается так, что пришлось созвать вас немедленно. Раньше мы полагали, что Берлинская операция начнётся... несколько позднее... Сроки меняются. Нас торопят союзники. Есть сведения, источники надёжные, что наши союзники имеют следующие намерения: в ближайшие дни покончить с Рурской группировкой противника, а затем высвободившиеся силы бросить на Лейпциг, Дрезден, а заодно, так сказать, попутно захватить Берлин.

Командиры загудели. Заскрипели ремни и стулья. Такой помощи от союзников никто не ожидал. И не желал. Послышались реплики. Бывшие командиры полков и бригад вспоминали, как ждали открытия Второго фронта в сорок первом, сорок втором и сорок третьем, когда истекали кровью под Москвой, Брянском и Смоленском. А теперь, когда зверь загнан в угол и осталось его прикончить последним ударом, за его шкурой прибежали союзнички...

Маршал сделал необходимую паузу, чтобы дать командирам выплеснуть эмоции, и продолжал:

— Ставке доподлинно известно, что истинная цель ускорения их наступления — именно захват Берлина до подхода наших войск. Ставке также известно, что спешно готовятся две воздушно-десантные дивизии для выброски на Берлин. Это, как вы понимаете, абсолютно устраивает нашего противника. Нам они оказывают упорное сопротивление в каждом населённом пункте, без боя не оставляют ни одной позиции. А на Западном фронте сдают крупные города по телефону, до подхода танков союзников. Всё это заставляет Ставку торопиться. — Маршал снова сделал паузу. — Что касается точной даты наступления, об этом скажу позднее. А сейчас приступим к изучению предстоящей задачи.

Бабаджаниян вспоминал: “Отодвинулась шторка — и перед нами предстала карта, вся испещрённая пятнами озёр, прожилками ирригационных сооружений. Чётко были обозначены полосы немецкой обороны — от Одера до Зеловских высот они шли одна за другой с интервалами в какие-нибудь 10–15 километров.

Вот отдёрнута вторая шторка — открылась рельефная карта Берлина. На ней было всё: улицы, дома, укрепления, завалы, доты, даже изображены разрушенные бомбёжками кварталы. На важнейших зданиях были наклеены ярлыки с номерами. Это был настоящий шедевр картографии. Потом нашему штабу удалось скопировать эту карту, и она очень помогла нам в штурме Берлина”.

Когда общие вопросы предстоящего дела были разрешены, командующий указал на непропорционально крупный четырёхугольный объект в лабиринте берлинских улиц:

— Объект номер сто пять. Прошу обратить особое внимание. Это и есть рейхстаг. — Пауза. — Кто первым войдёт туда? — Маршал окинул быстрым взглядом собравшихся. — Катухов? Чуйков? А может, Богданов или Берзарин?

Все замерли. Молчат. Все понимают — войти первыми означает великую честь. Новые звёзды на погонах и на груди.

Маршал между тем продолжал:

— А это номер сто шесть — имперская канцелярия.

Жуков был, как всегда перед боем, собран, деловит, немногословен. Те, кто его знал близко, заметили некоторую напряжённость. Дело в том, что несколько дней назад в Ставке, когда Верховный вызвал их, командующих 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на совещание по поводу предстоящей битвы за Берлин, сосед слева маршал Конев неожиданно решительно заявил о своём желании тоже участвовать в Берлинской наступательной операции. Начальник Генштаба Антонов при этом напомнил об особой роли 1-го Белорусского фронта и что существующая разграничительная линия

фактически исключает участие войск Конева в штурме Берлина. Конев стоял на своём: при существующей конфигурации фронта и расположении группировок целесообразно нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина.

Мудрый политик и психолог, Сталин пренебрёг теми нормативами, правилами и уставами, которые святы для военных, и, как вспоминал бывший начальник Главного оперативного управления Генштаба генерал Штеменко, “на карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разграничения, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довёл её до населённого пункта Люббен (60 километров к юго-востоку от столицы) и оборвал”.

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин, — прокомментировал Верховный после совещания своё политическое решение.

Поступок Сталина поджигал командующего 1-го Белорусского фронта. Это скажется очень скоро, в первые же часы атаки на Зееловские высоты.

В какой-то степени Жуков копировал Верховного, когда спросил своих командармов: “Кто первым войдёт туда?” Играл на честолюбии. Знал ломовую силу этого чувства, включающего в человеке всё: и волю, и сверхсилы, и непреклонность, граничащую с жестокостью. Впрочем, жестокость на войне не самое худшее качество солдата, а особенно командира. В своё время он зачитывался трактатами Мольтке. Некоторые его выводы и умозаключения выучил наизусть. Некоторые сами глубоко врезались в память, будоражили сознание своей противоречивостью и точностью, как, например, это: “Высшей формой милосердия на войне является жестокость...”

Когда читаешь немецких авторов из числа бывших генералов и фельдмаршалов, часто встречаешь мысль о генеральном сражении. Всю войну немцы искали случая большой, решающей битвы. Мало им было Москвы, Сталинграда, Курской дуги. И вот, наконец, “нашли такое поле”. Зееловские высоты, предместья Берлина, сам Берлин...

Передовой отряд и артиллеристы ушли на плацдарм, а основные силы 11-го гвардейского танкового корпуса Бабаджанян по приказу Катюкова ещё до рассвета 16 апреля сосредоточил южнее Зоненбурга на восточном берегу Одера. В пять утра артиллеристы натянули шнуры, и ураган огня хлынул в сторону Зеелова и окрестностей. Тысячи орудий и миномётов. Бабаджанян свои впечатления от артподготовки передавал так: “Здесь были ветераны, слышавшие московскую, сталинградскую, курскую канонады. Но то, что совершалось теперь, мы не могли сравнить ни с чем”.

— Началось!

Произошло самое неприятное, что может произойти во время крупного наступления. Артподготовка не достигла нужного результата, оборона противника уцелела, и, когда пехота пошла в атаку, её встретил шквал огня. Стрелковые дивизии несли большие потери, танки и САУ поддержки горели от огня ПТО. Продвижение общевойсковых гвардейских армий замедлилось, а вскоре и вовсе остановилось.

В этих обстоятельствах Военный совет фронта принял решение бросить вперёд гвардейские танковые армии, чтобы увеличить пробивную способность ударной группировки фронта. Это не было предусмотрено первоначальным планом наступления. Командующий пошёл на риск. Верховный по телефону подзадоривал: у Конева, товарищ Жуков, дела идут лучше...

Уже в середине дня 16 апреля гвардейцы Бабаджаняна приступили к выполнению поставленных задач. Затор на Зееловских высотах существенно изменил и планы 11-го гвардейского танкового корпуса. Бабаджанян осторожничал. Уже было потеряно много боевых машин. Сгорели экипажи. Многих он знал лично. Он приказал передовому отряду занять оборону на достигнутых рубежах и ждать, когда подтянутся остальные бригады и части. Выслал вперёд разведку. Атаку на Фридерсдорф, лежавший впереди, наметили на утро. До утра изучали разведанные, уточняли вопросы взаимодействия, ставили задачи артиллеристам и миномётчикам.

Как рассказали после боя пленные, немцы ждали начала атаки русских, как всегда, на рассвете. Но Бабаджанян намеренно затянул наступление.

Немцы решили, что русские ночью ушли, наметив для прорыва другой участок. Но в десять утра артиллерия корпуса провела артподготовку, а потом пошли вперёд танки и пехота. Два часа шёл бой за Фридерсдорф. Каменные здания деревни, похожей на небольшой городок, стояли вплотную друг к другу и все, от подвальных и полуподвальных помещений до слуховых окон на кровлях, были превращены в пулемётные и артиллерийские доты, в позиции для снайперов и одиночных стрелков. Когда ударная группа выбила немцев из Фридерсдорфа, из района Зеелова последовала мощная контратака, в которой участвовало до тридцати танков с пехотой. Немцев встретили в роще в километре западнее Фридерсдорфа и основательно потрепали.

На пути от Зеелова до Берлина находился город Мюнхеберг, окружённый крупными населёнными пунктами. Целая система опорных пунктов, насыщенная противотанковыми средствами, зенитками, пулемётами. Бабаджанян на этот раз бросил вперёд 45-ю гвардейскую танковую бригаду полковника Моргунова. Мюнхеберг и окрестности обороняла довольно крупная группировка, имевшая танки, самоходные штурмовые орудия, оснащённые длинными 75-мм пушками, способными на равных тягаться с нашими “тридцатьчетвёрками”. Подступы и предполье были насыщены противотанковыми заграждениями и различными инженерными сооружениями, напичканы минами.

Из штаба армии и фронта постоянно радировали: “Вперёд! Вперёд! Вперёд!” Жуков нервничал. Всё с самого начала пошло не так. Бросил танки Катукова и Богданова под неподавленную противотанковую оборону, насыщенную огневыми средствами, способными поражать средние и тяжёлые танки на расстоянии до двух километров, а когда бригады начали нести огромные потери и замедлили темп продвижения, отхлестал лучших танковых командиров явно несправедливым приказом.

Но война есть война. И тот её эпизод на Зееловских высотах, возможно, и стал проявлением “высшей формы милосердия”, когда в топку нужно было бросить танки, чтобы спасти сотни тысяч жизней пехотинцев. Кто знает... Все названные в приказе Жукова трусами, конечно, таковыми не являлись. Дрались они с сильным противником, на его земле, в обстоятельствах ограниченного манёвра. Впрочем, всё потом списала, скрасила Победа. Берлин разгромили вместе с его защитниками. Всех наградили. Кто получил Героя, кто — ордена Суворова 1-й степени. Все оказались отмечены в приказах командующего и благодарностях Верховного главнокомандующего.

В приказе Жукова говорилось: “Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперёд днём и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш”. В том же приказе предписывалось строго-настрого запретить выдавать личному составу водку, даже гвардейские “сто грамм”. Ветераны, знавшие и Сталинград, и Курскую дугу, ворчали: вот, мол, подъёмные отменили, как тут Берлин брать, голыми, что ль, руками...

Война — это ещё и неразбериха, и необходимость действовать на грани её. А тем более в таком сумбурном наступлении, когда первоначальные планы постоянно ломали новые и новые обстоятельства. Как вспоминали фронтовики, когда артиллерия и авиация бьёт по своим, это всегда точно и с большими потерями.

Как бы стойко ни сопротивлялся враг, но наступающие войска ломали его оборону и двигались вперёд. За день непрерывных боёв 19 апреля корпус полковника Бабаджаняна продвинулся вперёд на десять-двенадцать километров. Вышедшие из строя из-за незначительных повреждений боевые машины тут же ремонтировали специальные ремонтные бригады. Порой под огнём вытаскивали их с поля боя и отбуксовывали в тыл. Поэтому многие потери тут же, через несколько часов, компенсировались.

Бой продолжался и в ночь на 20 апреля. Бригады овладели опорным пунктом Кинбаум, подавили сопротивление Лиденберга, затем Рюдесдорфа. Вечером ударная группа корпуса была контратакована танками и пехотой при поддержке артиллерии из района Калькберга. Движение вперёд снова приостановилось. А возобновилось 21 апреля, когда к Калькбергу подошли главные силы корпуса и в штабе прочитали только что полученную телефонограмму

маршала Жукова: “1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы... Пошлите от каждого корпуса по одной бригаде в Берлин”.

Бабаджанян знал, кого послать вперёд добывать честь и славу II-му гвардейскому корпусу и всей 1-й гвардейской танковой армии. В полдень бригада полковника Гусаковского, усиленная самоходчиками подполковника Мельникова, запустила моторы. В полку Мельникова к тому времени были снайперы и экипажи не хуже, чем в танковой бригаде. У некоторых по пять-восемь и больше подбитых и сожжённых танков различных типов, от Т-III до “тигров” и “фердинандов”. Когда ещё только разворачивались в боевые порядки перед Зееловскими высотами, над лавиной самоходок на бронеющем пронеслись штурмовики 16-й Воздушной армии, которая поддерживала наступление войск 1-го Белорусского фронта. Они отработали по немецкой обороне и, возвращаясь назад, сбросили над самоходками четыре вымпела. К парашютам были прилажены символические ключи от Берлина и дощечки с надписью: “Гвардейцы-друзья, к победе — вперёд! Шлём вам ключи от берлинских ворот!”

В течение нескольких часов после получения приказа о Знамени Победы политработники провели в корпусе митинги, партийные и комсомольские собрания. На них поклялись выполнить историческую задачу — водрузить Красное знамя над первыми же захваченными кварталами Берлина, возвестив всему миру о начале разгрома фашизма в его логове.

К исходу дня 22 апреля ударная группа под огнём противника переправилась через канал западнее Рюдесдорфа и завязала бой на противоположном берегу. Всю ночь танкисты и самоходчики проламывали оборону опорных пунктов, оказавшихся на их пути. Утром танки и самоходки ворвались в Уленхорст. Это была уже окраина Берлина.

Из политотдела бригады полковника Гусаковского в штаб корпуса ушла телефонограмма:

“II-й гвардейский танковый корпус. Генерал-майору танковых войск И. М. Соколову.

1. Водружён государственный флаг СССР в Берлине над зданием фольксштурма.

2. Поднят государственный флаг СССР в 8 часов 30 минут взводом младшего лейтенанта Аверьянова Константина Владимировича, кандидата в члены ВКП(б), командиром танка гвардии младшим лейтенантом Бектимировым Фёдором Юрьевичем, членом ВЛКСМ, которые первыми вошли в Берлин в 8 часов 22.4.45 г.”

Немцы называли II-й гвардейский танковый корпус и её командира “чёрной пантерой”. Дело в том, что личный состав бригад был одет в чёрные комбинезоны. Да и сам командир корпуса отличался довольно смуглой кожей. А противник хорошо знал, кто стоял перед ним, в том числе и по службной список командира.

Маршал Жуков знал цену победы. В своих мемуарах он писал: “Следует подчеркнуть роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчило дальнейшую борьбу в самом городе”.

Берлинский гарнизон не пополнился дивизиями 9-й армии. Напрасно Гитлер в те последние дни Третьего рейха забрасывал ОКВ своими телефонограммами: “Где 9-я армия?” Армия генерала пехоты Теодора Бюссе была зажата в хальбском “котле”, где её перемалывали танки и артиллерия соединений двух фронтов — 1-го Белорусского и 1-го Украинского. По данным немецких историков, из хальбского “котла” вышли до 40 тысяч человек. Колонна была смешанная — в ней шли и гражданские беженцы. Маятник войны качнулся в обратную сторону, и то, что происходило на дорогах Смоленщины и Подмосковья в сорок первом, началось здесь, под Берлином.

Утром 23 апреля солдаты II-го гвардейского танкового корпуса из уст в уста передавали содержание переданного по радио приказа Верховного главнокомандующего: личному составу корпуса объявлялась благодарность за

прорыв вражеской обороны и успешное наступление на Берлин. Слова Сталина солдаты воспринимали как благодарность Родины и потому в бой шли с осознанием высокой значимости своей ратной работы.

В ночь на 24 апреля Катукров телеграфировал Бабаджаняну: не медля ни минуты, приступить к подготовке и форсированию Шпрее на участке Карлсхорст — Шеневейде, с ходу нанести удар в направлении Трептова, выйти главными силами в район Гёрлицкого вокзала.

Шпрее на участке, предназначенном для переправы, зажата крутыми, до семи метров, берегами. На другом берегу — несколько каналов, которые текут поперёк направления предстоящего удара. Немцы создали здесь мощный противотанковый район, насыщенный артиллерией и позициями одиночных фаустников.

Апрельские ночи в Берлине в тот год оказались светлыми. Всю ночь над огромным городом стояло зарево. Вперёд пошла мотострелковая бригада полковника Федоровича с задачей захватить на том берегу плацдарм, закрепить его и обеспечить переправу танковых бригад и корпусных частей.

К утру мотострелковая бригада переправилась через Шпрее, завязала бой в Трептов-парке и продвинулась к железнодорожной насыпи западнее Трептова-парка. Здесь, по приказу командира корпуса, заняла оборону до подхода основных сил.

Тем временем переправа через Шпрее затягивалась. Немцы контратаковали во фланг вдоль реки. В какой-то момент они прорвались к переправе, выдвинули свои орудия на прямую наводку и открыли огонь по понтонам и парому. В осложнившихся обстоятельствах полковник Бабаджанян принял решение повернуть основные силы корпуса в район Кепеника, где завершал переправу соседний 8-й гвардейский механизированный корпус. Первыми выдвинулись танки бригады Гусаковского. Вскоре они уже атаковали немцев в Трептов-парке и, взаимодействуя с батальонами бригады полковника Федоровича, к исходу дня овладели им.

Уличные бои, теснота и ограниченность манёвра — для танков смерть. Но война научает многому, в том числе и, казалось бы, невозможному. Штурм Зееловских высот, за которыми последовали не менее упорные бои на внешнем и внутреннем обводах Берлина и промежуточных полосах обороны, стал хоть и кровавой, но основательной школой для экипажей. Увоен опыт штурма городов во время Варшавско-Познанской и Восточно-Померанской операций. Позади были штурмом взятые Кольберг, Найштадт, Гдыня, Познань.

Танки по узким берлинским улочкам и проспектам, заваленным обломками рухнувших домов и битым кирпичом, шли “ёлочкой”. Впереди, прижимаясь к одной стороне дороги, продвигалась “тридцатьчетвёрка” в сопровождении автоматчиков, следом, держа интервал и прижимаясь к другой стороне дороги, шёл тяжёлый ИС, а позади их прикрывала самоходка.

Ещё 24 апреля в пригороде Берлина Адлерсхофе состоялся разговор Катукрова с командующим войсками фронта. Катукров доложил об успешной переправе корпусов через Шпрее и готовности армии наступать к центру Берлина.

— Хорошо, — сухо сказал Жуков.

— Товарищ Жуков, до сих пор мы действовали в одной полосе с армией Чуйкова, и он был старшим.

— И это правильно. Претензии?

— В городе, товарищ командующий, обстановка иная. Прошу дать нашей танковой армии самостоятельную полосу наступления в Берлине.

Пауза длилась недолго. Катукров знал: Жуков доверяет танкистам со времён Халхин-Гола. За спиной командующего злые языки пошучивали: мол, не выветрился из него красный конник — использует танковые войска как кавалерию.

— Действуйте, — сказал маршал и подошёл к карте Берлина. — Вот ваша полоса наступления... По Вильгельмштрассе направлением на Тиргартенпарк — зоопарк. Это уже совсем близко к имперской канцелярии и рейхстагу.

— Понял, товарищ командующий. Танкисты не подведут!

— Да уж не подведут, знаю.

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Только будьте осторожны. Там в каждом канализационном колодце по фаустнику. — И Жуков указал на Вильгельмштрассе. — Танки беречь. Они нам ещё будут нужны. Вперёд — штурмовые группы.

Солдатское радио работало бесперебойно. Любая весть разлеталась по подразделениям, от окопа к окопу, от пролома к пролому, от окна к окну мгновенно. Утром 25 апреля солдаты и офицеры 11-го гвардейского танкового корпуса узнали, что накануне войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соединились западнее Берлина, в результате блокирования Берлина немецкая группировка оказалась рассечённой на две части. А также о том, что с выходом наших войск на Эльбу перекрыт путь на Берлин союзникам.

Чем ближе к центру продвигалась бронетехника корпуса, тем ожесточённее становилось сопротивление окружённых. Улицы, ведущие к Потсдамскому вокзалу, в нескольких местах перегорожены деревянными срубками в несколько рядов, засыпанными землёй и камнями, а также трамвайными вагонами, наваленными друг на друга. За каждой баррикадой — несколько пулемётных точек. Улицы простреливаются противотанковыми орудиями. Орудия ведут огонь из проломов и тщательно замаскированы, их прикрывают пулемётчики и команды фаустников. Кроме того, одиночные фаустники поджидают в окнах полуподвальных помещений и на мансардах. У каждого из них по три-четыре фаустпатрона. Часто это подростки из гитлерюгенда или фольксштурма — последняя надежда Великой Германии.

Постепенно наступление танковых и механизированного корпусов превращается в медленное “прогрызание” немецкой обороны. Это не только затягивание сроков операции, по поводу чего тогда нервничали все, от штаба фронта до штаба стрелкового батальона, не только сверхнапряжение войск, огромный расход ресурсов, боеприпасов и прочего, но и большие людские потери. Последние залпы, последние бои и схватки в подвалах и на чердаках зданий, в подземных канализационных тоннелях, среди вековых деревьев старинных парков уносили новые и новые десятки и сотни жизней. Пехотинцы и миномётчики, танкисты и артиллеристы, связисты, разведчики, сапёры, тыловики — они гибли в уличных боях в том последнем сражении, которое по мере продвижения к центру Берлина становилось только ожесточённей и яростней.

Но дни берлинского гарнизона истекали, а с ними и часы Третьего рейха отщёлкнували свои последние минуты.

На девятый день атаки, 25 апреля произошло то, чего опасались в штабах, когда планировали операцию с нечётко определённой разгранлинией. Бомбардировщики 1-го Белорусского фронта с больших высот разгрузились на боевые порядки танковой армии Рыбалко. Убито и ранено до 100 человек, разбито и сожжено 16 грузовиков с боеприпасами и тыловым имуществом, 6 орудий. Потери, сопоставимые с потерями в суточном бою бригады или полка.

Бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса генерала Белова из состава 4-й гвардейской танковой армии с боями пробивалась на Потсдам.

В полосе наступления армий Катукова и Чуйкова наметился успех. Пехота 8-й гвардейской армии захватила подготовленный к взрыву мост через Ландвер-канал. Началась переброска бронетехники и тяжёлой артиллерии. Разведгруппа 11-го гвардейского танкового корпуса на своём участке захватила точно такой же мост через Ландвер-канал. Бригады тотчас начали переправу.

Накануне произошёл курьёзный случай. Разведчики доставили в штаб корпуса группу иностранных людей. Оказалось — японцы. Бабаджанян тут же позвонил в штаб армии и, едва сдерживая смех, доложил командарму:

— Михаил Ефимович, мои разведчики только что привели японцев. Что с ними делать?

— Какие японцы!? Что за шутки, Армо? Откуда вы взяли японцев?

— Да чёрт их знает. Вышли на наше охранение. Говорят — посольство.

— Японское...

— Так точно. И выглядят как настоящие японцы.

В трубке возникла небольшая пауза.

— Только японцев нам сейчас не хватало... Ладно, шлите их сюда, разберёмся.

Катуков с изумлением наблюдал, как вошедшие в штаб начали вежливо кланяться ему. Как с ними поступить, он не знал. Звонить в штаб фронта глупо.

— Мы хотим наша родина, — сказал один из вошедших, к счастью, неплохо говоривший по-русски. — Фронта — страшно.

Катуков хмыкнул:

— Страшно... Тут теперь всем страшно.

— Товарищ генерал, они же союзники Гитлера! — вмешался в разговор кто-то из офицеров штаба. — Припекло, вот и пришли сдаваться.

Японец, переводивший своим соотечественникам, вежливо, с улыбкой, поклонился.

— Гитлер им сейчас не защитник, — подытожил Катуков. — Ладно, в плен их брать не будем. Какие из них военнопленные? Будем считать беженцами. Дайте им транспорт и отправьте с разведчиком, который их привёл, в штаб фронта. Там, я думаю, в дипломатах больше разбираются...

Самоходчики подполковника Смирнова по приказу командира корпуса наступали через Блюхер-плац по Йоркштрассе. Видя, что Смирнов продвигается успешно, Бабаджанян повернул на его маршрут и остальные бригады. Улиц были завалены баррикадами, горами кирпича и железобетонных конструкций обвалившихся зданий.

В этот день произошло событие, которое история Великой Отечественной и Второй мировой войны поставила в ряд символов, величина и значение которых оцениваются не меньше, чем Знамя Победы над рейхстагом: 34-й гвардейский корпус генерала Бакланова вышел к Эльбе и встретил вышедшие на западный берег американские войска.

Гарнизон Берлина уже несколько суток находился в плотном окружении. Железное кольцо с каждым днём и часом сжималось, давя и перемалывая новые и новые батальоны фольксштурма, полки СС и различные подразделения, зачастую собранные наспех, с бору по сосенке, которые ещё был способен выставить против Красной армии вермахт. Снабжение окружённых велось по воздуху. Но аэродром и аэропорт Темпельхоф был уже в руках наступающих.

Армия Катукова в этот день успешно развивала наступление в северо-западном направлении в районе Нейкельна и захватила 30 кварталов. Везде, на улицах и перекрёстках, свой путь к центру города армия отмечала горящими танками и самоходками. Противник не ослаблял сопротивления, маневрировал танками, штурмовыми орудиями, самоходками — истребителями танков, фаустниками. Достаточно было одного точного выстрела из фаустпатрона, который мог осуществить даже мальчишка из фольксштурма, если его вовремя не обнаружили бойцы штурмовой группы, и советский танк вспыхивал факелом. Не всегда удавалось спасти экипажи.

На юго-западе части танковой армии Рыбалко уже дрались на улицах Берлина, шлифуя гусеницами брусчатку украинских районов Шмаргендорф и Рейгау, захватили железнодорожную станцию.

Вечером 28 апреля Катукову позвонили из штаба фронта:

— Говорит майор Иващенко. Приказ командующего: по рейхстагу огонь не открывать! Повторяю: огонь по рейхстагу не открывать! Как поняли?

— Понял. По рейхстагу огонь не открывать.

Катукова этот приказ ошеломил. Он сразу всё понял: кто-то из соседей уже там. Интересно, кто.

— Там уже наши? — спросил он майора Иващенко. — Кто?

— Части генерал-полковника Кузнецова.

Катуков положил трубку. И подумал: опоздали его гвардейцы к рейхстагу, опередил его Василий Иванович... Но, несмотря ни на что, дело надо

доделывать — гнать танки к зоологическому саду, добивать противника на своём участке, в зоне досягаемости.

Тиргартен — это как раз на пути корпуса к рейхстагу, в конце Садрландштрассе, по которой они продвигались с тяжелыми боями, выкуривая из каждого подвала, из каждой подворотни фаустников, растаскивая завалы и обезвреживая сотни мин. Стальной кулак для последнего броска “чёрной пантеры” нужен был мощный. По существу, из двух основательно потрёпанных бригад получилась одна, и та неполная.

В полдень началась артподготовка. В ней участвовали все расчёты ствольной и реактивной артиллерии. Били гаубицы большой мощности, били “катюши” по заранее разведанным и нанесённым на огневые карты целям. По площадям. Били фугасными и бетонобойными снарядами. Артподготовка длилась полчаса. В 12:30 танки взрели моторами. Началась атака.

Немцы обороняли каждый дом, контролировали каждый переулок, простреливали всё открытое пространство вокруг зданий. Когда закончилась артподготовка, гарнизоны домов, каждый из которых был превращён в крепость, вышли из подвалов и поднялись к своим огневым позициям. Схватки шли за каждое здание, за каждый подвал, за каждый этаж. Порой они переходили в рукопашные.

К исходу дня бригады зачистили Садрландштрассе из конца в конец. До имперской канцелярии, где в это время, сбиваясь с ритма, всё ещё стучало сердце Третьего рейха и Гитлер хладнокровно готовился к уходу, танкам Бабаджаняна оставалось всего несколько сотен метров. За зданиями имперской канцелярии в клубах дыма и кирпичной пыли виднелись очертания заветной цели — рейхстага. Туда снаряды и мины не долетали. Там — наши. Но гарью и копотью заволакивало всё.

Историки утверждают, что наши войска, выполняя приказ командования, напрасно, мол, стремились именно к зданию рейхстага, ведь он имел чисто символическое значение. Сердце Кащей билось в имперской канцелярии. Отсюда всё ещё исходили приказы и распоряжения: “Тот, кто отдаст вам приказ об отходе, подлежит, если вы его не знаете в лицо, немедленному аресту, а в случае необходимости — расстрелу, независимо от его звания”. Здесь был главный штаб. Утверждают, что солдаты и офицеры, прорывавшиеся к рейхстагу, и не знали вовсе о существовании имперской канцелярии и её значении. Если верить историкам-авторам этой идеи, то шансы у танкистов Бабаджаняна захватить Гитлера и всех его главных подручных были весьма велики.

На фронте всякое случалось. Но имперская канцелярия фигурировала в приказах разного уровня. К тому же, если рейхстаг имел только символическое значение, то почему же его обороняла многотысячная группировка отборных частей, подразделений и команд?

Бабаджаняна вспоминал, что в ночь на тридцатое апреля к нему в бункер привели немецкого майора-парламентёра, тот сообщил о готовности гарнизона парка “Генрих-V” сложить оружие, их около 900 человек, но будет ли им сохранена жизнь? “Я заверил, — пишет бывший командир танкового корпуса, — что всем, кто сложит оружие, советское командование гарантирует безопасность”.

Небольшими группами сдаваться начали ещё два дня назад, 27 апреля. Теперь, после мощной артподготовки и очередного штурма, желающих выжить становилось заметно больше.

В ночь на 30 апреля танки 44-й и 45-й гвардейских танковых бригад били из своих пушек прямой наводкой по имперской канцелярии.

Никто не знал тогда, что именно здесь, в бронированных подземельях, прячутся Гитлер, Геббельс, Борман и другие главари фашистской Германии и что именно тут разыгрывается финальная сцена трагедии, кончившейся как бессмысленный фарс.

По всей вероятности, придерживаясь политкорректности, Амазасп Хачатурович не назвал в числе оборонявших рейхстаг и центр Берлина французов из дивизии СС “Шарлемань”, а также латышей из 15-й Латышской дивизии СС.

30 апреля Катуюкову предстояло покончить с группировкой противника, удерживавшей Зоологический сад. Для этого он развернул 11-й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна от рейхсканцелярии на запад, сдав позиции соседнему 4-му гвардейскому стрелковому корпусу армии Чуйкова.

Утром в 9:00 Бабаджанян сосредоточил свои ударные силы в районе парка “Генрих-V” с задачей совместно с 8-м гвардейским механизированным корпусом сокрушить оборону противника в Зоологическом саду, переправиться через канал Ландвер и захватить на том берегу плацдармы.

Задачу танкисты и пехотинцы выполнили. На этом действия 11-й гвардейской танковой бригады в Берлинской наступательной операции оказались завершены. На улицах центра Берлина возникла теснота. Движение танков и техники прекратилось. Войска разбирали баррикады и завалы.

В ночь на 1 мая состоялись переговоры начальника немецкого Генерального штаба генерала Кребса с представителями командования Красной армии. Кребса в своём штабе встретил генерал Чуйков, который был уполномочен штабом фронта вести переговоры. Кребс передал Чуйкову папку с документами, среди которых лежало сообщение Геббельса и Бормана о смерти Гитлера.

Знамя над рейхстагом реяло, развевалось. Вернее, их, красных знамён, возвещавших Победу, было несколько. Но теперь советскому гарнизону рейхстага пришлось и свои позиции защищать. В подвалах и подземных лабиринтах под рейхстагом продолжал держаться отступивший туда гарнизон — до полутора тысяч солдат и офицеров. В этот день они предприняли отчаянную попытку выбраться наружу и атаковать главный зал. Их встретили огнём и загнали обратно под землю.

Согласно штабным документам 3-й Ударной армии её части понесли в этот день следующие потери: убитыми — 254 человека; ранеными — 893 человека. Слишком большая цена за несговорчивость немецкой стороны.

Потери понесли в тот день и другие армии, войска которых продолжали атаковать и зачищать тыловые кварталы, где всё ещё продолжали упорно сопротивляться окружённые группы немцев, французов, латышей, бельгийцев, шведов и прочих представителей европейских народов, воевавших за идею фашизма и присягнувших Гитлеру.

В ночь на 2 мая с немецкой стороны по радио было передано срочное сообщение: “Алло! Алло! Говорит Пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К двенадцати пятидесяти по берлинскому времени выслаем парламентёров на Потсдамский мост. Оповестительный знак — белый флаг на фоне красного цвета. Ждём ответа”. Ровно в означенное время на мосту появилась группа немецких офицеров под белым флагом. Их возглавлял полковник. Он сообщил, что уполномочен командиром 56-го танкового корпуса и комендантом Берлина генералом Вейдлингом заявить о капитуляции берлинского гарнизона. Спустя несколько часов через громкоговорители немецким войскам был передан приказ о капитуляции: “... Я призываю вас немедленно прекратить сопротивление. Вейдлинг, генерал артиллерии и командующий обороной Берлина”.

В полдень с белыми флагами потекли защитники Берлина. Они складывали оружие, снимали снаряжение и следовали в тыл, на пункты сбора. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г. К. Жукова завершили свою тяжкую работу и терпеливо принимали пленных.

Одновременно на войска свалилась другая забота. Маршал Бабаджанян вспоминал: “В разрушенном городе не действовал водопровод, не было электроосвещения. В подвалах, засыпанных обломками, томились женщины и дети. Для спасения населения мы организовали специальные команды. Они извлекали из-под обломков людей, оказывали им первую медицинскую помощь. Немало при этом гибло советских солдат, противник заминировал всё, даже жилые кварталы.

Я собственными глазами видел, как наши солдаты заботливо помогали немецким женщинам переносить детей в безопасное место, как отдавали при этом свой солдатский паёк малышам.

Маленькие берлинцы без страха подходили к предназначенным специально для населения походным кухням, протягивали худенькими ручонками свои чашки и плошки и смешно просили: “Кушат”.

“Кушать” — это было первое русское слово, которое они научились произносить.

Повар наливает мальчугану полную кастрюльку. “Данке шён”, — говорит мальчуган, но не отходит. “Чего тебе, хлопчик? — непонимающе спрашивает повар. — Ещё налить?” Но ведь у мальчугана больше нет посуды в руках. “Фюр швестер”, — объясняет маленький берлинец, тычет пальцем на свою кастрюльку и убегает. “Значит, ещё придёт”, — соображает повар”.

“Я собственными глазами видел...” Но ведь командир корпуса, полковник, начальник огромного хозяйства был в этих обстоятельствах не посторонним наблюдателем. Именно он отдал приказ в бригады, батальоны и роты, во все подразделения: кормить берлинцев, оказывать первую медицинскую помощь, помогать нуждающимся.

Корпус зачехлил пушки и приводил себя в порядок. В штабах подсчитывали потери и трофеи, писали репортажи.

На победителей посыпались награды.

Командир корпуса Герой Советского Союза полковник Амазасп Хачатурович Бабаджанян был представлен ко второй Золотой Звезде.

Тогда многих представляли к Героям. И время было такое, и настроение — всплеск радости и победного восторга. Но и достойных много. В верхах эти настроения начали потихоньку гасить. Война окончена. Военные своё дело сделали. Нужда в них стала исчезать. В первые ряды начали выступать политики и партийные функционеры.

Золотую Звезду командиру корпуса заменили орденом Суворова 1-й степени. Среди военных и фронтовиков орден весьма почитаемый, считался рангом не ниже Героя Советского Союза. Постановлением Председателя Совнаркома СССР И. В. Сталина от 11 июля 1945 года полковнику Амазаспу Хачатуровичу Бабаджаняну было присвоено воинское звание генерал-майора танковых войск.

КОМАНДИР БОЛЬШОЙ ВОЛИ

Николай Эрастович Берзарин прославился ещё во время боёв на озере Хасан и к 1941 году в звании генерал-майора являлся заместителем командующего 1-й Краснознамённой армии Дальневосточного фронта. Его перебросили на Северо-Западный фронт, и он прошёл всю войну. В 1943 году получил тяжелейшее ранение под Вязьмой. С мая 1944 года командовал 5-й ударной армией, которая после Ясско-Кишинёвской операции освобождала столицу Молдавии. До вражеского логова Николай Эрастович дошёл уже в звании генерал-полковника. А 24 апреля маршал Жуков назначил Берзарина первым комендантом Берлина.

Жуков явно выталкивал Берзарина к рейхстагу. Однако судьбу этого знакового объекта решила 150-я стрелковая дивизия 3-й ударной армии. Её штурмовые отряды уже атаковали высокое здание с округлым куполом. Артиллерии всех армий, наступающих к центру Берлина, приказано было прекратить огонь.

Когда командир 9-го стрелкового корпуса доложил Берзарину, что его передовые батальоны остановлены перед комплексом зданий гостипографии, что открытая местность перед ними простреливается из пушек и миномётов и что лёгкая артиллерия эффекта не даёт, он приказал подвести для стрельбы прямой наводкой 305-мм орудие. Одно за другим рушились кирпичные здания, погребая под обломками и щебнем своих защитников. Уцелевшие перебрались в здания, стоявшие в глубине квартала. Огонь 305-мм орудия их не доставал, мешали руины впереди стоявших зданий. И тогда — о, русская смекалка! — бойцы штурмовых групп атаковали их трофейными 300-мм реактивными снарядами. Пуски снарядов производили с лотков, из окон и мансард — по соседним окнам. Лотки конструировали тут же, на передовой, кустарным спо-

собом. Вскоре с гарнизонами последних зданий типографии было покончено.

Берзарин потом с интересом и ностальгией разглядывал уцелевшее типографское оборудование, металлические кассы в наборном цеху, переплётные станки...

Вечером 30 апреля в штаб армии поступил приказ штаба 1-го Белорусского фронта №006: “Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломали сопротивление врага, заняли главное здание рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. ...подняли на нём наш Советский флаг. В боях за район и главное здание рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Перевёрткина и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова”.

Но бои продолжались. Живые оттаскивали убитых, перевязывали раненых. Те уныло брели в тыл. Пехотинцы короткими бросками перебирались от окна к окну, от здания к зданию, от руины к руине. В ход шли ручные гранаты и трофейные фаустпатроны. Перед самым штурмом Берлина личный состав обучили пользоваться этой нехитрой штуковиной, и теперь бойцы не хуже фольксштурмовцев палили по целям из сверхоружия фюрера. Из глубины кварталов через головы атакующих штурмовых групп, нащупав цели, часто били самоходки и танки. Когда наступала пауза или ночь прекращала атаки, бойцы и командиры засыпали тут же, под уцелевшими стенами на горах щебня в обнимку с автоматами, положив под головы потные шлемы.

После окончания боёв в интервью одному из корреспондентов центральных газет Берзарин сказал: “Думаю, что такого массового героизма, какой проявлялся в эти дни в битве за Берлин, ещё никогда не было. Да, да, поверьте мне, старому солдату. В чём секрет этого героизма, понять нетрудно: желание быстрее добить врага и победно закончить войну. И как результат этого — всеобщее воодушевление! И, конечно, воинское мастерство и труд. Солдатский подвиг рождается в труде. Без этой взаимосвязи невозможно понять и правильно оценить героизм советских воинов...”

Самое прекрасное после вдохновения — это самоотверженность; вслед за Поэтом первым идёт Солдат; не его вина, если ему суждена доля пилота.

Армия слепа и бессловесна. Она бьёт наугад оттуда, куда её ставят.

Ей ничего не надо, и она действует механически. Это большая машина, которую приводят в движение и которая наносит смерть; но это и нечто такое, что способно страдать.

Бои кипели с прежним ожесточением. 30 апреля авангарды 5-й ударной ворвались в рейхсканцелярию. В коридорах увидели вороха бумаг. Пачки листовок, перевязанные шпагатом. Отпечатаны, видимо, в той самой типографии, которую только что разнесли в пух и прах орудия большой мощности и сапёры из штурмовых групп. На одной из них воззвание Геббельса к берлинцам и солдатам гарнизона: “Браво вам, берлинцы! Берлин останется немецким! Уже движется отовсюду к Берлину корпус и армии, готовые защищать столицу, нанести решающее поражение большевикам и в последние часы изменить судьбу нашего города...”

Бои продолжались. А новый комендант Берлина часть своих усилий и энергии уже тратил на то, чтобы на освобождённой от нацистов территории гражданские люди почувствовали себя освобождёнными, чтобы армейские тылы приступили к самому необходимому — ротные и батарейные повара, согласно отданному приказу, должны делать дополнительную закладку и кормить гражданских.

Из воспоминаний полковника Владимира Алексеевича Жилкина: “Кажется, 29 апреля мы оказались в расположении полков своей дивизии, в зоне вражеского пулемётно-артиллерийского и миномётного огня. С наступлением темноты наша 6-я батарея произвела смену позиции, чтобы участвовать в штурме главного объекта немецкой обороны.

Здесь я должен уточнить, что карт Большого Берлина у нас оказалось мало, на всех офицеров не хватало. Командующий артиллерией корпуса пообещал нам, что выдаст нам некоторое количество карт дополнительно. Указали координаты, и я с двумя автоматчиками отправился в штакор. Это был уже “тыл”. Я стал свидетелем того, как берлинцы, старые и малые, начали

выбираться из подвалов и других укрытий. У афишной тумбы уже толпилось до десятка немцев, они читали наклеенный там приказ коменданта города. Возвращаясь с пачкой карт, полученных в штабе корпуса, я увидел порядочную толпу. Стоял грузовик, и двое наших солдат выдавали немцам хлеб и консервы. Под напором голодной толпы солдаты растерялись. Подбирая немецкие слова, я крикнул, призывая соблюдать порядок. Мгновенно люди вытянулись в цепочку: слова мои подействовали.

В сторонке, не решаясь подойти к толпе, стояла ветхая старушка с девочкой 10–12 лет. Обращаясь ко мне, офицеру, старушка стала что-то лепетать. Фразы её можно было понять и без перевода — от голода у неё блеснули глаза. Рот у её внучки был раскрыт, она делала глотательные движения. Я взял у солдат из ящика банку консервов, буханку хлеба и отдал старой женщине. “Данке шён, данке шён”, — шептала старушка, а девочка протянула руку, и на раскрытой ладонке лежали золотые женские часики. Я сделал отрицательный жест рукой, как мог, пояснил, что вот-вот стрельба закончится. Вся толпа стояла тихо и смотрела на меня, как на чудотворца. Снабженцы пояснили мне, что раздача продуктов ведётся по приказу советского коменданта. В тот день Берзарин накормить берлинцев не мог, конечно, но он сеял надежду на спасение...”

Штаб Берзарина в те дни по-прежнему размещался в Карлсхорсте, в комплексе зданий бывшего Военно-инженерного училища. Несколько дней назад 301-я стрелковая дивизия выбила отсюда элитную часть немцев. Теперь из Военно-инженерного училища расходились приказы, обращённые не только к наступающим войскам, но и к тылам, а также к берлинцам. Комендант Берлина уже действовал. 28 апреля в освобождённых кварталах города было расклеено обращение — эдикт-приказ № 1: “1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах. 2. НСДАП и все подчинённые ей организации распустить и деятельность их запретить. 3. В течение 72-х часов со времени опубликования приказа должны явиться на регистрацию все военнослужащие немецкой армии, войска СС и СА, оставшиеся в городе Берлине. 4. Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений явиться в районные и участковые комендатуры для регистрации. 5. Все коммунальные предприятия, как то: электростанции, водопровод, канализация, городской транспорт, все лечебные учреждения, все продовольственные магазины и хлебопекарни должны возобновить свою работу по обслуживанию населения. Рабочим и служащим перечисленных учреждений оставаться на своих местах. В дальнейшем, до особых указаний, выдачу продовольствия из продуктовых магазинов проводить по нормам и документам, существовавшим ранее. 6. Собственникам банков и управляющим временно всякие финансовые операции прекратить, сейфы немедленно опечатать и явиться в военные комендатуры с докладом о состоянии банковского хозяйства. Всем чиновникам банков категорически запрещается проводить какие бы то ни было изъятия ценностей...”

Тот же приказ предписывал сдать имеющееся на руках либо найденное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное снаряжение и имущество.

Надо было удерживать и воинскую дисциплину в войсках, расквартированных в Берлине и в предместьях после подписания немцами капитуляции. В каждом полку был сформирован комендантский взвод.

Маршал Жуков назначил Берзарина на пост коменданта Берлина в те дни, когда ещё продолжались яростные схватки за центр “имперской столицы” и когда ещё действовал старый комендант и начальник берлинского гарнизона генерал Вейдлинг. Пушки ещё не умолкли, и уставшие от четырёхлетней тяжкой фронтовой работы солдаты продолжали атаковать, когда в районах германской столицы уже начала действовать сеть районных комендатур.

Город был условно разделён на три сектора. Секторы — на районы. Каждому району был присвоен номер. В каждом районе — военный комендант, штат заместителей и специалистов, обязательно переводчик, комендантский взвод. Комендатуры тут же приступили к исполнению порученных

дел. Вместе с донесениями из штабов атакующих корпусов и дивизий Берзарин получал доклады от военных комендантов о состоянии дел городского хозяйства, о том, какая помощь оказывается местным жителям, какие проблемы возникают и какие из них необходимо решить в первую очередь.

Однажды во время последних дней штурма позвонили сразу из нескольких районных комендатур: прекратилась подача электричества и воды. Для большого города — это катастрофа. Правда, мы, русские, вправе вспомнить Сталинград и другие города и городки, разбитые войной до основания, и расставить по этой теме свои оценки. Но, войдя в “логово”, откуда ещё исходило зло, и подавив сопротивление берлинского гарнизона, Красная армия сразу же приняла на себя заботу о мирных гражданах большого города. Если провести справедливые аналогии, то немцы обязаны были сбрасывать голодающим ленинградцам контейнеры с консервами и хлебом, не угрожать обороняющейся Москве затоплением, не выжигать вместе с жителями белорусские, смоленские, тульские и брянские деревни...

Оказалось, во время подрыва мостов через Шпрее и каналы немцы основательно повредили электростанцию в Шарлоттенбурге, последнюю из уцелевших. Берзарин тут же бросил туда разведку и бригаду специалистов. Электричество поступало от турбин плотины в Руммельсберге. Под огнём противника всю ночь инженерная служба 5-й ударной армии устраняла неполадки. К утру заработала вначале одна турбина, потом все остальные.

Жуков в своей директиве новому военному коменданту, кроме всего прочего, предписывал: “Мы ожидаем, что в каждом работнике нашей берлинской комендатуры сплетутся в тугой узел все высокие нравственные понятия: долг, порядочность, воля, доброта”. Жуков прекрасно знал, кому доверить хозяйство. Знал и Берзарин, кого назначает военными комендантами районов. Знал каждого. По боям. По отношению к службе, к подчинённым, к порученному делу, к материальным ценностям, к врагу, к пленным, к мирным жителям.

Ещё со времён дальневосточной службы, с озера Хасан Берзарин любил кавалерийскую бурку. Чёрного цвета. Она и плащ в дождь, и шинель, и полог, и постель. Изнашивал одну, заводил другую. Другим в минуты откровения признавался: “Уйду в отставку, пойду на конный завод”. Лошадей любил. Часто садился в седло. Но чаще — на мотоцикл. Считал езду на мотоцикле прекрасным спортом, очень полезным для мужчины, особенно в его годы.

А годы-то молодые — в начале апреля исполнился сорок один. Правда, выглядел старше своих лет. После тяжёлого ранения ходить стал меньше — болела нога. Немного раздобрел, раздвинулся в плечах, осел. Вот и завёл снова мотоцикл. И быстро, и удобно крутиться по берлинским улочкам, расчищенным во многих местах только наполовину. И свиту из охраны с собой возить не надо, достаточно одного автоматчика.

Одновременно оставался командующим 5-й ударной армией. Надо заметить, что его войска, должно быть, закончили боевые действия самыми последними. Когда на других участках уже затихла стрельба, когда иссяк поток пленных, вылезших из-под обломков зданий после объявления генералом Вейдлингом капитуляции гарнизона, солдат победившей армии, уставших после многолетней тяжкой работы, одолел вязкий, словно августовский мёд, сон. И вдруг в секторе 899-го полка 248-й стрелковой дивизии поднялся переполох. Вначале подумали: славяне на радостях палят в воздух, разряжают диски и обоймы, чтобы не оттягивали ремень. Но вскоре командиры насторожились: “Что за чёрт?!”

Впереди по фронту — исклёванное прямыми попаданиями здание рейхсканцелярии. Где-то под ним — “фюрербункер”. Уже сообщили, что Гитлер покончил с собой. Перед штурмом рейхсканцелярии штурмовой группе полка поступил приказ от командарма: “Постарайтесь захватить живыми оставшихся главарей фашистской Германии”. Никого из главарей захватить не удалось. То ли все главные трофеи уже расхватали штурмовые группы из других частей — здесь, в центре в эти дни всё перемешалось, сбились в кучу многие подразделения не только соседних дивизий и корпусов,

но и армий, — то ли главари фашистской Германии последовали за своим фюрером.

В штаб астраханского полка доложили: на позиции батальона капитана Боровкова на Инвалиденштрассе со стороны рейхсканцелярии — попытка прорыва колонны бронетехники в количестве до пяти единиц; артиллеристы подбили две единицы, остальные прорвались на второй рубеж, там остановлены бронебойщиками; экипажи противника, потеряв несколько человек, укрылись в руинах зданий и ведут непрерывный огонь, в переговоры не вступают.

Комполка выслушал доклад и распорядился:

— Кончайте быстрее.

На всякий случай, памятуя приказание генерала Берзарина, послал туда группу автоматчиков: “Если есть кто из важных, взять живыми”.

Живыми взяли двоих в форме с петлицами СС, мужчину и женщину. Мужчина управлял бронетранспортёром, а женщина назвала себя фрау Эрной, машинисткой стенографического бюро доктора Фриче — заместителя министра пропаганды. Именно она и рассказала, что в другой группе, укрывшейся среди руин, находится бригаденфюрер СС Монке, личный пилот Гитлера Ганс Баур, хирург Людвиг Штумфеггер, рейхслютенант Артур Аксман и, самое невероятное, рейхсляйтер Мартин Борман.

Пленных тут же отконвоировали в штаб дивизии. Атаку на засевших за руинами ээсовцев возглавили командир одного из батальонов астраханского полка капитан Кошурников и командир роты лейтенант Личугин. Они попали под шквальный огонь и почти все погибли. После чего командир полка полковник Артёмов приказал сапёрам взорвать остатки домов, где засели ээсовцы.

Полковнику Сергею Артёмову шёл двадцать девятый год. С Кошурниковым и Личугиным он дошёл от Днестра до Берлина. До слёз было жаль боевых товарищей, погибших, когда Берлин уже взят и война, считай, закончилась. Кому нужна эта кровь? К чёрту Монке! К чёрту Бормана!

Когда кирпичная пыль осела, он ещё раз посмотрел на тела своих офицеров и солдат, рядком, словно для братского погребения сложенные возле подбитого бронетранспортёра, и сказал адъютанту:

— Сообщите в штаб дивизии: больше пленных нет.

Смерть Мартина Бормана долгое время вызывала сомнения. Нет тела — нет дела. Пошли разного рода кривотолки, спекуляции. Но в 1973 году во время проведения строительных работ на Инвалиденштрассе в отвале обнаружили “скелетированные останки человеческого тела”. Судебно-криминалистическая экспертиза показала — эти останки принадлежат “партайгеноссе” Мартину Борману.

Не выпустил его полковник Артёмов в Аргентину!

Части 5-й ударной армии начали покидать центр Берлина. Им определены были места дислокации в менее разрушенных кварталах. Оставлял Инвалиденштрассе и астраханский полк. Лошади и трофейные грузовики тащили дивизионные пушки с зачехлёнными стволами. Шли роты взводными колоннами. Полевую кухню с дымящейся трубой, в нескольких местах пробитой то ли осколками, то ли пулями, с кашеваром на передке тащил верблюд. Полевая кухня, даже с кашеваром и запасом дров, ему была не в тягость. Он шествовал своей царственной походкой среди руин по центру Европы, с величественным равнодушием окидывая взглядом окрестности только что отгремевшей битвы народов.

На следующий день после капитуляции в расположение армии прибыл комфронта Жуков. Из Карлсхорста на автомобилях в сопровождении офицеров штаба 5-й ударной Жуков и Берзарин подъехали к рейхсканцелярии. Жукова интересовала судьба Гитлера и его останков. Поиском занимались специальные команды.

Жукову доложили, что останки не найдены, что они сожжены и, по всей вероятности, закопаны где-то неподалёку. Пошли к кострищам. Берзарин всё время шёл рядом с Жуковым. Они разговаривали. Главноначальствующему советской военной администрации в Германии и коменданту Берлина было

о чём поговорить. Сталин требовал точной и исчерпывающей информации о Гитлере. Возможно, говорили о Бормане. О бое накануне на Инвалиденштрассе. Патрули ночью задержали бригаденфюрера СС Монке. После основного допроса под усиленной охраной самолётом Монке сразу же отправили в Москву.

Они вошли во двор рейхсканцелярии. Посреди небольшого сквера чернели остатки давно остывших костров. Ещё вчера здесь всё было завалено трупами. Убитых убрали. Офицер из группы поиска сказал, что, возможно, в одном из этих костров и были сожжены трупы Гитлера и Евы Браун.

После некоторой паузы Жуков сказал:

— Нет. На этих кострах немецкие солдаты кипятили воду... — И тут же отдал распоряжение Берзарину организовать прочёсывание окрестностей.

Несколько взводов были отправлены на прочёсывание. Ничего и никого не нашли. Не обошлось без курьёза. Один взвод всё же арестовал “Гитлера”. Чуть выше среднего роста, чёлка на лбу, зачёсанная набок, прямой нос, усики... Смершевцы тут же выяснили — хозяин лавочки с соседней Фридрихштрассе. “Ступай, папаша, домой...” Молодые автоматчики, отличившиеся при поимке “фюрера”, посмеивались друг над другом.

Как известно, 7 мая 1945 года в Реймсе, в штабе Верховного главнокомандования англо-американских экспедиционных сил состоялось подписание документа о капитуляции германских вооружённых сил. Акт подписали американский генерал Смит, немецкий генерал Йодль и генерал-майор Красной армии Сулопаров, в тот период прикомандированный к штабу союзных экспедиционных войск. Именно благодаря эпизоду в Реймсе история и сохранила имя этого неприметного генерала. Генерал, однако, своё дело сделал, на итоговом акте, видимо, имея на то особые инструкции, сделал приписку, что это соглашение не окончательное.

На 8 мая в Карлсхорсте, в штабе 5-й ударной армии, в одном из просторных залов Военно-инженерного училища назначили церемонию подписания основного документа — Акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил перед армиями союзных государств.

Берзарин был принимающей стороной. Этот день оказался для него простым. В аэропорту Темпельхоф встречали одну за другой делегации союзников и своих. Военный комендант Берлина, начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский, член Военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков и группа офицеров центральной комендатуры, переводчики, фотокорреспонденты и кинооператоры часами стояли на краю взлётной полосы в ожидании прилёта очередного борта.

Прибыли маршал британских Королевских ВВС и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами англичанин Артур Теддер с группой офицеров, главный маршал авиации американец Чарльз Спаатс, вице-адмирал Королевского флота Великобритании сэр Гарольд Бэрроу. Из Франции — генерал Жан-Мари де Латр де Тассиньи. Из Москвы прилетел первый заместитель наркома иностранных дел СССР Вышинский, назначенный политсоветником при Главноначальствующем Советской военной администрации в Германии маршале Советского Союза Георгии Константиновиче Жукове. Сталин уже включил механизм медленной и постепенной отставки Маршала Победы: вначале он всячески и со всех сторон ограничит его власть, потом выведет на второй план, а затем и вовсе — в тень, в Одессу и, наконец, на Урал.

Один из участников этого почётного эскорта после войны рассказывал, что стоять в ожидании очередного борта было тягостно. Все знали, у Берзарина болела нога. После тяжёлого ранения он не вполне восстановился. И вот стали замечать: вначале Николай Эрастович начал прихрамывать, потом с тоской стал поглядывать по сторонам, на что бы опереться, но, не найдя ничего подходящего, ни дерева, ни парапета, сел прямо на бетонку. Так и сидел, пока не пошёл на посадку очередной самолёт.

Для церемонии подписания Акта подготовили зал бывшей офицерской столовой военно-инженерного училища. Мебель и огромный ковёр привезли из рейхсканцелярии. Дорогу из аэропорта до Карлсхорста отремонтировали.

Сапёры взорвали и расчистили остатки немецких баррикад, укреплений и завалов. Из Фленсбурга под охраной английских офицеров доставили бывшего начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего кригсмарине адмирала фон Фридебурга и генерал-полковника люфтваффе Штумпфа. Они имели полномочия от правительства Дёница на подписания Акта о капитуляции.

Ровно в полночь по московскому времени участники церемонии вошли в зал. Жуков открыл заседание:

— Мы, представители Верховного главнокомандования советских вооружённых сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования.

В нашей официальной историографии акт, подписанный в Реймсе, считается “предварительным протоколом капитуляции”. На Западе реймский акт расценивается как собственно акт, как основной, а в Карлсхорсте — его ратификация. Черчилль в те дни заявил по британскому радио: “Вчера утром, в 2:41 утра, генерал Йодль и гросс-адмирал Дёниц подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил. Сегодня это соглашение будет ратифицировано и подтверждено в Берлине”. Американские историки карлсхорстский акт даже не упоминают.

Граждане Советского Союза узнали о подписании в Карлсхорсте Акта “о капитуляции Германии” из сообщения Совинформбюро 9 мая 1945 года в 2 часа 10 минут ночи по московскому времени. Диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан торжественно зачитал текст Акта о военной капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении дня 9 мая праздником Победы. Радио транслировало сообщение всю ночь и весь день 9 мая. Вечером 9 мая с обращением к советскому народу выступил вождь государства Иосиф Виссарионович Сталин. После чего Левитан зачитал приказ Верховного Главнокомандующего о полной победе над фашистской Германией и об артиллерийском салюте — 9 мая, в 22 часа тридцатью залпами из тысячи орудий.

Вот почему День Победы 9 Мая у старшего поколения ассоциируется с голосом Левитана и Сталина.

Генерал Берзарин присутствовал на церемонии подписания.

Праздники проходят быстро. Шампанское выпито. Ордена и медали розданы. Начались будни.

Три недели Берзарин оставался в Берлине единоличным правителем. За эти дни и ночи сделано многое и главное: налажено коммунальное хозяйство города с населением в три с половиной миллиона жителей. Открылись магазины. Заработали поликлиники и больницы. По предложению коменданта маршал Жуков распорядился освободить из лагерей и мест накопления врачей, фельдшеров и медицинских сестёр. Ими тут же укомплектовали медучреждения, которые нуждались в кадрах специалистов.

Энергичную работу генерала Берзарина и его комендатур берлинцы восприняли с энтузиазмом. С утра до вечера мужчины и женщины, старики и подростки разбирали завалы, стены рухнувших домов. Уцелевшие кирпичи и всё, пригодное для стройки, складировали в отдельные штабеля. Мусор и щебень грузили на вывоз. Ими засыпали овраги, окопы и воронки от авиабомб.

В те дни поступил приказ командарма в самые кратчайшие сроки представить всех отличившихся в боях во время Берлинской наступательной операции, а также во время боевых действий, предшествовавших штурму Берлина, к наградам. Боевого серебра и золота в те дни не жалели.

Однажды Берзарин приехал в расположение одного из стрелковых батальонов. Адьютант подал список награждённых. Солдаты, сержанты, старшины и лейтенанты выходили к столу. Командарм вручал им ордена Славы и Красной Звезды, медали “За отвагу” и “За боевые заслуги”. И вот награды закончились. Берзарин поблагодарил командира батальона и ротных и уже собирался уезжать, но заметил солдата, стоявшего в конце шеренги. Пожилой, в застиранной гимнастёрке, аккуратно залатанной на плече.

На ногах — стоптанные ботинки, чёрные обмотки. На груди — ни одной награды, только нашивки за ранения. Нашивок много, целая колодка: жёлтые — за лёгкие ранения, красные — за тяжёлые. Подошёл к нему. Солдат, как положено, шагнул из строя, представился.

— С какого года на фронте?

— С сорок первого, товарищ генерал-полковник! — бодро ответил солдат. Берзарин тут же оглянулся на офицеров. Те подбежали к нему.

— Где воевали?

— Московское направление, — ответил солдат. — Вязьма, Тула, Калуга...

— Командир роты, — спросил Берзарин старшего лейтенанта, — хороший солдат?

— Так точно!

— Представить к медали “За боевые заслуги”.

Подошёл к другому:

— С какого года воюете?

— С сорок третьего! С Курской дуги! С вами, товарищ генерал-полковник, с Днестра!

— Командир роты, хороший солдат?

— Так точно, хороший.

— Как вёл себя во время штурма? Где находился?

— Был в танковом десанте. Одним из первых переправился через Шпрее.

— Представить к медали “За отвагу”. Всех наградить, кто добросовестно выполнял приказы командиров и не запятнал себя в дни мира.

Вот за что ещё любят солдаты своих генералов...

Постепенно, когда машина городского хозяйства начала работать более или менее ровно, некоторые рычаги налаженного самоуправления комендант начал передавать самим немцам.

Десятого июня 1945 года Жуков подписал приказ о разрешении деятельности политических партий. В театрах возобновились репетиции. Уже 27 мая в театре “Ренессанс” состоялась первая постановка. В конце мая в Штётлице, в зале “Титания-плас” дал первый концерт оркестр Берлинской филармонии под управлением Лео Борхарда. Заработали музеи. Восстанавливались выставочные залы картинных галерей, приводились в порядок их собрания и запасы. Ожили стадионы. Состоялся футбольный матч Франция — Советский Союз. Команды собрали из солдат и офицеров. Болеть пришли тысячи берлинцев. Во время матча возбуждённые французские болельщики пели “партизанский гимн”: “От леса до леса // дорога идёт // вдоль обрыва...”

Для берлинцев Берзарин ничего не жалел. Порой выколачивал из армейских фондов продукты для стационаров больниц. Детям начали выдавать бесплатное молоко.

В один из дней с купола рейхстага сняли святой символ Победы. Знамя отправляли в Москву. На флагштоке закрепили полотнище государственного флага Союза ССР. Берзарин руководил церемонией прощания со знаменем. Провожал эскорт в аэропорт Темпельхоф. Передал письмо и посылку для семьи. Скучал по родине.

С 14 мая начал действовать городской трамвай. Пошли автобусы. На следующий день Берзарин подписал приказ о разрешении берлинцам свободно передвигаться по городу с пяти утра до половины одиннадцатого вечера. А ещё через день районные коменданты сообщили, что начала работать канализация.

В магазинах увеличивался ассортимент товаров. В какой-то период основными покупателями в Большом Берлине оставались офицеры и солдаты Красной армии, потом, когда город разделили на секторы, покупателей из числа военных стало ещё больше — англичане, янки, канадцы, новозеландцы...

Началась демобилизация солдат старших возрастов и военнослужащих женщин. Всем хотелось привезти домой из богатой Германии хоть какие-то подарки. Демобилизованные тратили в магазинах и на барахолках накопленные за войну деньги. Часть денег выдавали марками. На барахолках в ходу были и рубли.

Ещё когда войска перешагнули границы Третьего рейха, вышел приказ: всем военнослужащим действующих фронтов разрешалось раз в месяц отправлять в советский тыл одну личную посылку, для рядового и сержантского состава — 5 кг, для офицерского — 10 кг, для генералитета — 16 кг. Определён был и размер посылки: не больше 70 см в каждом из трёх измерений. Чаще всего домой посылали американские сухпайки, консервы, растворимый кофе, медикаменты — стрептомицин, пенициллин. Демобилизованным разрешалось увезти домой всё, что они могли взять с собой в качестве личной поклажи. Крупногабаритные вещи и предметы закрепляли между вагонами и на крышах.

Грабежи и насилие прекратили быстро. Приказы в отношении насильников и мародёров были жёсткими — расстрелы перед строем. Барахло покупали в основном на барахолках. Там можно было купить всё, и сравнительно недорого. Лучшая и универсальная валюта — продукты, спиртное, табак. Хотя ходили рейхсмарки, оккупационные марки, валюта стран-победительниц. Самые ловкие срывали свой барыш на разнице стоимости валют. Курс был искусственным.

С декабря 1944 года красноармейцам и офицерам шло двойное жалование: в рублях и в марках. Курс рубля был необычайно высоким, так что марки солдаты получали пачками. Вдобавок ко всему полковые полевые сберкассы выплачивали ежемесячные оклады за все прошлые месяцы и годы. А потому и тратили их при каждом удобном случае, иногда с куражом, порусски. Американцы, к примеру, кто и организовал в Берлине самые большие “толкучки”, считали русских “самыми хорошими покупателями — легковверными, плохо торгующимися и очень богатыми”.

Впрочем, дураков всегда хватало. Находились такие, кто, вопреки здравому смыслу, прямоком лез на рожон. Но рано или поздно они попадали в руки комендантских взводов, а там, как правило, суд недолгий. Трибуналы работали споро.

Архивы не спешат снимать замки со своих шкафов. Однако данные по 1-му Белорусскому фронту опубликованы. По докладу военного прокурора о противоправных действиях военнослужащих в отношении гражданского населения за период с 22 апреля по 5 мая 1945 года зафиксировано 124 преступления. Из них 72 изнасилования. А это семь армий. 908 тысяч 500 человек.

Можно предположить, что число действительных случаев насилия солдат и офицеров РККА в отношении немок было значительно бóльшим. Однако “подвиги” американских оккупационных войск значительно перекрывают “советские” цифры. Профессор и криминалист Роберт Лилли (США) после тщательной работы в американских военных архивах опубликовал следующие данные: к ноябрю 1945 года трибуналы армий, действовавших в Германии, рассмотрели 11 040 случаев серьёзных сексуальных преступлений”.

Профессор истории Университета Констанца (юго-запад Германии) Мириам Гебхардт провела многолетние архивные исследования, многочисленные интервью с жертвами и очевидцами, результатом которых стала её книга “Когда пришли солдаты”. Выводы фрау Гебхардт таковы: “джи-ай” за время своего освободительного похода в нацистскую Германию изнасиловали 190 000 немок.

Впрочем, американцы и во время боевых действий, если их можно назвать таковыми, демонстрировали те же манеры. Одна только бомбардировка Дрездена чего стоит! Около 150 000 убитых, растерзанных, раздавленных обломками домов, сгоревших заживо жителей города, где не было ни военных объектов, ни воинских частей. Под удар союзной армады попали в основном женщины, дети, старики.

Когда войска антигитлеровской коалиции атаковали границы Германии, в Дрезден потянулись беженцы. Со всех германских земель. Люди надеялись на то, что город, не имеющий ни малейшего военного значения, бомбить не будут. Были посланы 796 самолётов, двумя волнами. Огненный смерч с температурой в полторы тысячи цельсиев гулял по городу несколько часов. Кирпич плавился. Площадь разрушения оказалась в четыре раза больше, чем

в Нагасаки. Во время штурма Берлина нашими армиями ничего подобного не применялось. Никому из военных и политиков и в голову не пришло, что, проводя Берлинскую наступательную операцию, надо, к примеру, ради удержания защитников Большого Берлина и войск, стоявших в Заодерской равнине и на Зееловских высотах, жестоко, до тысячи бомбардировщиков, несколькими волнами, отбомбить город. Разрушить, зажечь его, чтобы над ним гулял смерч в полторы тысячи градусов. Бомбардировки были, в том числе и центра Берлина, но не такой интенсивности. К тому же, как известно, бомбардировке подвергались исключительно военные объекты, оборонительные позиции, инженерные сооружения военного назначения.

Налёты же союзной авиации сеяли смерть в основном среди гражданского населения. Вот откуда популярная среди немецких женщин горькая шутка: “Лучше русский на мне, чем янки надо мной...”

А в расположении советских войск и у дорог, по которым курсировали машины с красноармейцами, висели фанерные плакаты:

*Смотрит на тебя немка ласковым оком.
Гляди, боец, как бы тебе это не вышло боком.*

Мотоциклы Николай Эрастович любил. Лошадей, правда, больше. Но мотоциклы — сразу после лошадей. Первый мотоцикл завёл ещё на Днестре, в дни Яско-Кишинёвской операции. Правда, тогда комфронта Фёдор Иванович Толбухин, узнав о том, что командующий армией увлёкся быстрой ездой на мотоциклете, да ещё без охраны, при первом же удобном случае выговорил ему. И Берзарин подчинился — передал мотоцикл в батальон связи. И ведь действительно, там он нужнее.

— Ради чего вы рискуете? — качал головой генерал Толбухин. — Вы даже не пользуетесь шлемом. В мотоциклетном полку это считается серьёзным нарушением правил езды.

— Экономлю время, — попытался оправдаться командарм.

— Для экономии времени у вас есть бронетранспортёр. Если этого недостаточно, я вам выделю лёгкий танк.

В Берлине он снова сел на мотоцикл. Мощный, скоростной “харлей”, подарок американцев, носил его по городу от комендатуры к комендатуре, от объекта к объекту. В коляске — сержант-ординарец с автоматом. Вначале ездил в танкистском комбинезоне. Потом стал надевать генеральский мундир, обычно белоснежный, всегда чистый, тщательно отглаженный.

Был у него и другой мотоцикл — трофейный немецкий “Zündapp KS 750”. Из-за больших габаритов его называли “зелёный слон”. На него-то и сядет в то роковое утро генерал Берзарин.

Из воспоминаний генерала Бокова: “Поздно вечером 15 июня я зашёл в кабинет командарма. Из штаба мы часто уходили домой вместе. Наши котеджи располагались по соседству. Николай Эрастович был в прекрасном настроении, по дороге много шутил и смеялся. Через несколько суток он должен был лететь в Москву на Парад Победы и с нетерпением ждал этого часа.

— Очень соскучился по семье, по маленькой дочурке, по Москве, — говорил он. — Так хочется видеть наш столичный город мирным, без затемнения и зениток.

— Сейчас июнь, самое чудесное время: её улицы утопают в зелени, всюду цветы, — поддержал я разговор.

— Да разве важно, какой месяц? Москва всегда прекрасна! — воскликнул Николай Эрастович почти с юношеским задором.

Мы договорились встретиться на приёме демократических женщин и попрощались. А утром дежурный по штабу позвонил мне домой и срывающимся голосом доложил:

— Товарищ член Военного совета, убит генерал Берзарин”.

Убит. Так доложил дежурный офицер.

В Москву полетела “молния”. Верховного Главнокомандующему сообщали об обстоятельствах гибели одного из лучших его генералов: “Сегодня, 16 июня в 8 ч. 15. в городе Берлине от катастрофы на мотоцикле погиб

Герой Советского Союза, командующий 5 Ударной армией и комендант города Берлина Берзарин Николай Эрастович.

Смерть произошла при следующих обстоятельствах. В 8:00 тов. Берзарин на мотоцикле с коляской выехал в расположение штаба армии. Проезжая по улице Шлосштрассе со скоростью 60–70 км, у перекрёстка с улицей Вильгельмштрассе, где регулировщиком пропускалась колонна грузовых автомашин, Берзарин, не сбавляя скорости и, видимо, потеряв управление мотоциклом, врезался в левый борт грузовой автомашины “форд-5”. В результате катастрофы Берзарин получил пролом черепа, перелом правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб находившийся в коляске ординарец — красноармеец Поляков. Учитывая особые заслуги перед Родиной генерал-полковника Берзарина Н. Э., а также нежелательность оставления могилы в последующем на территории Германии, прошу Вашего разрешения на похороны тов. Берзарина в Москве, с доставкой самолётом. Семья тов. Берзарина, состоящая из жены и двух детей, проживает в Москве”.

Телеграмму подписали маршал Жуков и генерал Телегин.

Гроб с телом генерала Берзарина установили в том самом зале, где в мае маршалы и генералы подписывали Акт о капитуляции Германии. На церемонии прощания пришли командиры корпусов и дивизий, офицеры комендатуры. Пришёл православный священник. Отпел по полному чину. Никто ему не мешал. Говорили потом, что его пригласил Жуков.

Маршал стоял в траурном почётном карауле, слушал слова молитвы берлинского батюшки, по всей вероятности, из бывших русских эмигрантов. Вместе с офицерами нёс гроб и шёл потом за грузовиком с откинутыми бортами по дороге в аэропорт. Этим же бортом он улетел в Москву. Принимать Парад Победы.

Существует несколько версий гибели генерала Берзарина. Вплоть до самых невероятных. Повторять их, даже вкратце, не стану. Ни к чему, их можно найти в интернете. Достоверно одно: “с разрушением грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом...” Как в бою. Как во время кровной атаки, когда — грудью на штык, когда непонятно, чья возьмёт...

ШТУРМ РЕЙХСТАГА

Писатель Василий Субботин, фронтовик, дошедший до Берлина, писал: “Страшно сужен круг людей, бравших рейхстаг... Бралось одно имя, одна фигура, и за её спиной похоронено очень много безымянных... От юбилея к юбилею мы рассказываем об одних и тех же людях. Так создаётся впечатление, что рейхстаг брали несколько человек. Какая неправда!”

Невозможно в одном кратком очерке восполнить пробелы истории и провалы памяти. Но хоть чьи-то имена удастся собрать в те лихие штурмовые группы, которые ворвались в рейхстаг 30 апреля 1945 года, дрались за каждый оконный проём и пролом в стене, за каждую ступень наверх, за каждый этаж, чтобы поднять над зданием знамя Победы.

Со школьной скамьи мы знаем: весной 1945 года войска под командованием маршала Жукова штурмом овладели Берлином; был взят рейхстаг, на куполе которого советские бойцы Егоров и Кантария водрузили Знамя Победы.

Потом, по прошествии лет, вдруг рассмотрели на кадрах кинохроники, а также на фотографиях победных дней со Знаменем Победы совершенно другие лица...

В марте 1969 года в канун Дня Победы вышла книга мемуаров Георгия Константиновича Жукова. Берлинской наступательной операции, штурму Берлина и последним дням войны автор уделил достойное место. Называл имена героев, рядовых бойцов, сержантов, младших офицеров, отличившихся в боях. О Егорове и Кантарии — ни слова. Но в книге была помещена фотография группы разведчиков лейтенанта Сорокина, та самая, где они все

радостные, улыбающиеся, только что вышедшие из боя, и на первом плане — юный Григорий Булатов. Вряд ли Маршал Победы, командующий войсками 1-го Белорусского фронта, на которые легла основная тяжесть сражения за Берлин, не был посвящён в интригу последних дней боёв за рейхстаг. Всё он знал. Промолчал, потому что понимал — не время говорить всю правду. Он-то и мемуары писать поначалу не хотел. Но это отдельная история. В последующих изданиях “Воспоминаний и размышлений”, где за маршала начали дописывать компетентные товарищи целые главы, фотография сорокинцев исчезла. Вот уж воистину: Бог — своё, а чёрт — своё...

В последние годы появилось много публикаций, просветляющих историю штурма рейхстага и водружения над куполом здания Знамени Победы. И эти публикации продолжают. Называются совершенно иные имена бойцов, установивших над рейхстагом штурмовые флаги и вымпелы, а также полковые штурмовые знамёна. Среди авторов и “разоблачители”, и действительные исследователи, беспристрастные и глубокие. Это совершенно два разных потока. Одни ищут правду, восстанавливают историю, ту, которая была, отскабливая её от наростов истории, которую написали и подретушировали. Другие — лишь бы лаптем болтануть, в подтексте намекая на то, что всё в нашей истории лживое, ненастоящее, а герои выдуманные, фальшивые, да и истории, пожалуй, нет, есть “тысячелетняя парадигма несвободы”...

Итак, имена, которые были вычеркнуты и стёрты.

Иван Никифорович Лысенко. Разведчик 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, старший сержант. Когда дошёл до Берлина, ему уже было под тридцать. Воевал храбро. О смерти старался не думать, поскользнувшись, как он потом сам признавался, она была повсюду, и к ней успел привыкнуть как к неизбежности. Ранений, кроме первого, было ещё три. В пах, в руку и в шею. Несколько раз попадал в обстоятельства, когда нос к носу сталкивался с противником. Выручал надёжный пулемёт — Дегтярёва пехотный. За бои в Прибалтике получил медаль “За отвагу”.

Вскоре 3-ю ударную армию с севера, из состава 2-го Прибалтийского фронта перебросили на центральный участок, на усиление 1-го Белорусского. Так 150-я Идрицкая стрелковая дивизия оказалась вначале на варшавском направлении, а потом на берлинском. А вместе с нею и помощник командира взвода пешей разведки старший сержант Лысенко.

Однако, как известно, по первоначальному замыслу роль 3-й ударной армии была иной. Только потом, когда в городе начались трудности, её ввели в бой непосредственно в берлинских кварталах, а затем она оказалась в самом центре Берлина.

Разведка шла впереди. Бывший разведчик Степан Гаврилович Орешко (разведгруппа лейтенанта Сорокина) вспоминал: “Утром к нам, разведчикам, пришёл сам комполка подполковник Плеходанов с замполитом майором Субботиным. Мы уже знали, что Военный совет 3-й ударной армии учредил знамёна, которые нужно водрузить над рейхстагом как знак нашей победы.

Комполка говорил убедительно и просто:

— Товарищи бойцы, вам выпала большая честь — штурмовать центральное здание рейхстага. Вчера на совещании у генерала Шатилова, командира нашей дивизии, решался вопрос, какому штурмовому подразделению вручить девять полотнищ. Первые, водрузившие знамя, будут представлены к званию Героя. Скажу сразу — нашему полку жребий не выпал. Но моё личное мнение: над рейхстагом может развеяться не обязательно знамя Военного совета. Подыщите подходящий материал — вот вам и Знамя Победы.

В штурмовую знаменосцев отобрали самых храбрых и испытанных разведчиков. В одной из комнат разрушенной канцелярии Гимmlера нашли два куска добротного красного материала и сшили большое полотнище.

— Ну, теперь, — сказал парторг Виктор Правоторов, — или грудь в крестах, или голова в кустах, но мы должны быть первыми”.

В штурмовую знаменную группу лейтенанта Сорокина вошли десять человек. Во время штурма погиб рядовой П. Долгих и тяжело ранен рядовой Н. Санкин. В строю остались лейтенант С. Сорокин, старшие сержанты

В. Правоторов, И. Лысенко, рядовые Г. Булатов, П. Брюховецкий, М. Габидуллин, С. Орешко, М. Пачковский.

На полотнище пустили наперник от перины, на которой до прихода Красной армии в Берлин, как не без шуток предполагали разведчики, спал сам Гиммлер. Отыскал ту перину Григорий Булатов. Парторг пощупал, оценил добротную материю — пойдёт. Главное, что красного цвета. Вначале хотели заштопать дыру на красном фашистском полотнище. Такие гражданские немцы называли “Хайль Сталин!” Чего проще было заделать куском такой же красной материи вырезанный белый круг с чёрной свастикой. Но парторг идею сразу забраковал. Шили полотнище из наперника перины Гиммлера, оставили его из двух частей. Получилось довольно большое, внушительное. Знай наших — разведку 674-го полка!

Из воспоминаний Орешко: “До самой Королевской площади с разведчиками шёл Субботин. Ему не повезло, уже на ближних подступах к гитлеровской твердыне он был ранен в ногу. Санинструктор Анна Кононенко (ныне Яковлева) бросилась к упавшему замполиту, оказала помощь, но идти дальше майор уже не мог.

До рейхстага было полтора-два метра. Из амбразур прямо на нас смотрели стволы пулемётов и автоматов. В тринадцать часов наша артиллерия открыла огонь, а потом в атаку пошли штурмовые подразделения. Мы тоже ринулись вперёд. Но дорогу преградил шестиметровый ров, заполненный водой. Сорокин и Брюховецкий прикрыли нас огнём, и мы — кто вплавь, кто по металлическим трубам — переправились через ров, смяли огневые точки и ворвались в здание. Помню, в стене зияла огромная дыра. Прежде чем проскочить в неё, запустили туда гранату, залегли. Как только дым и пыль рассеялись, бросились вверх. Схватки шли на всех этажах и лестничных клетках, горели паркет, мебель. Дорогу приходилось прокладывать гранатами, штыками, автоматными очередями. Коридоры были завалены горами трупов, битого кирпича, щебня, стекла, сорванными со стен картинами, коврами, пустыми бутылками, ящиками из-под патронов и гранат — и всё вокруг бумагами. Особенно отличилась рота Петра Греченкова (впоследствии Героя Советского Союза) из батальона Давыдова. Она поддерживала и прикрывала пулёмётным огнём нашу группу, пробивавшуюся со знаменем на крышу. Рука об руку с нами шёл взвод автоматчиков под командованием Леона Литвака.

Наконец мы выбрались сквозь снарядную пробоину на фронтон и здесь на какой-то скульптурной группе (потом уже узнали — Вильгельма Первого) водрузили своё победное знамя. Увидев его, наши бойцы, прижатые кинжальным огнём к площади, поднялись в атаку”.

А вот как вспоминает историю с самодельным полковым знаменем Виктор Николаевич Правоторов: “Выполняя приказ, мы встали. Бросок, другой, третий... Оглядываясь — рядом Булатов. Остальных отсек огонь... На пряжке ремня пуля оставила вмятину. Немного передохнули, делаем последний бросок. Вот и стена рейхстага. Залегли, смотрим, нет ли где свободного от кирпича окна. Находим одно. Улучив момент, мы влезли в окно, предварительно бросив туда по гранате. Коридорами вышли на лестницу, забрались на второй этаж. Здесь мы с Булатовым подошли к разбитому окну, посмотрели на Королевскую площадь, за которой в домах и прямо на улицах залегли наши бойцы, приготовившиеся к решительному штурму. Гриша Булатов просунул знамя в окно, помахал им, затем мы укрепили его. В это время внизу слышались выстрелы, взрывы гранат, стук сапог. Мы приготовились к бою. Гранаты и автоматы — на чеку. Но схватка не состоялась. Это по нашим следам пришли Лысенко, Брюховецкий, Орешкин, Пачковский. С ними лейтенант Сорокин. Он подошёл к нам, пожал руки и снял флаг.

— Отсюда его плохо видно, ребята, — сказал он. — Надо пробираться на крышу.

По той же лестнице стали подниматься всё выше и выше, и нашли выход на крышу. Цель достигнута. Где поставить знамя? Решили укрепить у скульптурной группы. Подсаживаем Гришу Булатова, и наш самый молодой разведчик привязывает флаг к шее огромного коня”.

Воспоминание командира 674-го стрелкового полка подполковника А. Д. Плеходанова: “Через несколько минут отважная горстка солдат из роты лейтенанта Греченкова и разведчиков взвода Сорокина достигла главного входа в рейхстаг и скрылась в нём. Остальные были отрезаны. Одни из них залегли на площади, другие отошли назад. Что было в это время в рейхстаге, я не знал. Незвестной была и судьба ворвавшихся в него смельчаков. И вдруг я услышал радостный крик моего связного:

— Товарищ подполковник! Посмотрите на крышу рейхстага! Вон туда, где возвышается всадник!

Я поднял бинокль и увидел Красное Знамя, а возле него движущиеся крохотные фигурки.

Как я узнал позже, движущимися фигурками были сержант Правоторов и рядовой Булатов...

В это время мне позвонил командир дивизии В. Шатилов и спросил, какова обстановка. Я доложил: часть солдат — из батальона Давыдова и взвода полковой разведки — проникла в рейхстаг. Остальные отошли назад. Многие залегли на Королевской площади.

— Есть связь с теми, кто в рейхстаге? — спросил командир дивизии.

— Нет, — ответил я. — Но беспокоиться за них не стоит. Они уже проникли на крышу и водрузили там Красное Знамя Победы.

— Какое знамя? — удивился генерал. — Ведь оно в штабе Зинченко!

— Знамя моих разведчиков. Самодельное. Они его подготовили перед штурмом...”

Генералу Шатилову нужно было поскорее свести концы с концами. А они, эти концы, болтались в разных местах... “Самodelки” в зачёт не шли. Нужно установить одно из знамён Военного совета армии. Только за него можно было получить Героев. В том числе и им, непосредственным командирам, генералам... В сущности, командиру дивизии было всё равно, чей полк отличится, 756-й полковника Зинченко или 674-й подполковника Плеходанова. Это были его, генерала Шатилова, полки. Но в донесении, которое ушло наверх, фигурировал 756-й полк и фамилия его командира. Вышло так, что инициативу перехватил Плеходанов и установил на рейхстаге свою “самodelку”.

Опытный разведчик, лейтенант Сорокин постоянно контролировал ситуацию. Знамя установлено, надо спускаться вниз. Что там, внизу, неизвестно. Шум, выстрелы, взрывы гранат. “Лысенко, — обратился лейтенант к старшему сержанту, — возьми двух солдат, спустись на первый этаж и посмотри, что там. Если там немцы, очистить путь”.

Задача нелёгкая. Разделились на две группы. Одна действовала гранатами, другая прокладывала путь автоматным огнём. Когда очистили весь отсек первого этажа от немецких автоматчиков, Лысенко приказал проверить все смежные комнаты и закутки, где могли прятаться затаившиеся одиночки. Обнаружили дверь, ведущую в подвальное помещение. Приготовили автоматы и гранату. Резко распахнули дверь. Внизу в свете свечей увидели немецких офицеров. Те испуганно смотрели на разведчиков. Лысенко скомандовал: “Хенде хох!” Те мгновенно подняли руки.

Пленниками оказались два генерала со своими адъютантами. Никто из них даже не попытался применить оружие. Кобуры пистолетов были застёгнуты. Пленные тут же передали личное оружие разведчикам.

Вскоре спустилась группа лейтенанта Сорокина. Лейтенант осмотрел пленных, мгновенно оценил их достоинство и приказал Лысенко срочно доставить генералов в штаб полка.

Всё пространство вокруг рейхстага по-прежнему простреливалось. Противник вёл огонь одновременно из нескольких направлений. Так что пулю можно было получить в любой момент и неизвестно откуда. Разведчики выполнили приказ и возвращались. Таков был приказ командира полка. Изменить его никакой возможности не было: связь отсутствовала, и доложить о выполнении задания можно было только лично. Да и пленных надо выводить. Снова разделились на несколько групп.

Из рассказа лейтенанта Сорокина: “Мы салютовали знамени несколькими автоматными очередями и спустились вниз. Через несколько часов удалось разыскать подполковника Плеходанова и доложить о выполнении задания...”

Рассказ скупой. В нём, как недавно выяснилось, много недоговорок. А точнее — целая трагедия с сюжетом, который тянется до сего дня...

На выходе из рейхстага, когда разведгруппа лейтенанта Сорокина объединилась, немцы, пережив в укрытиях огневой налёт нашей артиллерии, вылезли из своих щелей и контратаковали ворвавшихся в здание бойцов из разных частей и подразделений. Разведчики обнаружили свой пролом, через который они проникли в рейхстаг, блокированным. Пришлось вступать в бой, чтобы очистить выход из здания. Обошлось без потерь.

Расстояние от рейхстага до здания Имперского министерства внутренних дел, уже захваченного подразделениями 150-й стрелковой дивизии, составляло 360 метров. Где броском, где ползком, где по-пластунски, а где на карачках, разведчики, наконец, добрались до своих. Вывели и пленных, их конвоирование оказалось задачей не из простых. По разведчикам вели огонь и немцы, и наши. Во всяком случае, до того момента, пока не поняли, что это возвращаются свои. Пыль, копоть от взрывчатки, дым от пожаров. Многие разведчики по пути назад оторвались от основных групп, потерялись и лишь потом вышли на ориентиры. Старший сержант Лысенко позволить себе действовать произвольно, заботясь только о своей безопасности, не мог. Вёл, подталкивал к зданию МВД, а порой и волок по кирпичной крошке своих генералов.

Старший сержант дошёл. И пленных в штаб полка привёл. Конечно, ждал, что наградят, отметят его старания и умелые действия при штурме рейхстага и во время прикрытия знаменной группы. Но награды не последовало, и Иван Никифорович вскоре о своих чаяниях постарался забыть. Ни к чему душу беречь. Война большая, жестокая, она разлила среди народа много несправедливости, и его личная обида ничего в этом громадном пространстве не значит.

О боях в Германии и штурме Берлина Иван Никифорович рассказывал брянскому журналисту Владимиру Павлову: “Мы заходили в дома и видели, как немки готовились принять смерть. Они сидели, не шелохнувшись в углу комнаты, нарядно одетые, не говоря ни слова и не сопротивляясь. Мы успокаивали: “Не бойтесь, мы вас не тронем”. Проверяли дома и шли дальше. Гордые женщины! Хотели умереть красивыми! Они очень боялись русских. Не знали, чего от нас можно ожидать. Их мужей тоже отправили на фронт, многие из них погибли. Жители Германии, как и мы, устали от войны... В окрестностях Берлина было много заброшенных домов. Мы спускались в подвалы, находили там разнообразные вина, продукты. Многие жители Германии уходили из своих домов, оставляя всё своё имущество на произвол судьбы.

Накануне взятия рейхстага мне приснился сон. Будто я переплываю канал и неожиданно попадаю в бункер или какое-то подземелье. И плыву, плыву, плыву... А потом вижу, как навстречу мне по воде движется икона Божьей Матери. Я начинаю стрелять по ней из автомата, долго стреляю, в несколько очередей, а она не тонет...

Проснулся я в страхе. Господи, что я наделал и что бы это могло значить? Может, дурное предзнаменование? Я неверующий, но воспитала меня монахиня. Бункер, как подземелье, икона, да ещё я по ней стрелял... Поделился я тогда с товарищем, он был у нас в отряде за повара, сны умел толковать, в Бога верил. Тот выслушал мой рассказ и успокоил: “Иван, ты пройдёшь всю войну, останешься жив и в итоге получишь высокую награду, будешь жить долго...” В ту ночь, когда мне снилась икона Богородицы, мы ещё не знали, что Гитлер будет уничтожен, что совсем скоро война закончится и наступит мирная жизнь. Обидно было, когда во время взятия рейхстага погибли наши солдаты. А ведь много ребят погибло в тот день. Вот так: войну прошли и умерли в самом её финале”.

В ноябре 1945 года во время очередной волны демобилизации Иван Никифорович завербовался на стройку в Донбасс, восстанавливать разрушенные

войной шахты. В нашей армии это велось издавна: при демобилизации предлагали поехать туда, где страна нуждалась в рабочих руках, надёжных и здоровых. Но на шахте Иван Никифорович заскучал по родине, по земле, по жене и семье... Зарабатывать неплохо и решил вначале так: поеду домой, заберу своих, купим где-нибудь на окраине домик с садом и огородом, так и заживём на новом месте. Поехал в родные Кузнецы. Да так и не вернулся на шахту.

“Татьяна сказала, что никуда не поедет из родного села, — вспоминал бывший разведчик. — А куда мне без родных?.. Ещё по пути домой мне встретился один мой приятель из Кузнецов. Первые слова, которые я от него услышал, были такими: “Ну что, Иван, ты теперь герой...” Я удивился: “Все, кто прошёл войну, герои. И я ничем от других не отличаюсь”. В ответ он воскликнул: “Как?! Ты ещё не знаешь? Тебе же присвоили звание Героя Советского Союза! Недавно собственными глазами видел заметку в газете!”

Через пару дней после приезда отправился я в Гордеевку, нашёл ту газетку, где действительно было написано: “Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество старшему сержанту Лысенко Ивану Никифоровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”. Так я получил сообщение о высокой награде”.

Долго же читали в штабах и наградных отделах представление подполковника Плеходанова! В те победные дни на волне восторга Великой Победы много было написано представлений на звание Героя Советского Союза. Солдатам, сержантам, старшинам, офицерам, генералам. В том числе — что греха таить? — и чтобы “порадеть родному человеку”... С окончанием боёв штабы забирали в свои руки многое. Война окончена, и место солдата занял чиновник, канцелярская жилетка с надёжной партийной подкладкой. Он дождался своего часа, выжил в тылу, далеко от железного огня, и теперь решал практически всё.

Многим представления на Героя скостили до ордена Красного Знамени. Офицерам — до ордена Отечественной войны 1-й степени, он тогда ценился высоко. Генералам — до орденов Суворова степеней, соответствующих их должностям. А кое-кого и вовсе забыли.

Ивану Никифоровичу повезло.

Подполковник Алексей Дмитриевич Плеходанов — это отдельная история, накрепко связанная с завершающими боями в Берлине, в том числе со штурмом рейхстага. Имя командира 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии тесно связано и с той несправедливостью, с историческим подлогом, которые были допущены в мае сорок пятого.

Родился в 1909 году в деревне Шагарово Курской губернии. Участвовал в Финской войне и в тяжёлых боях 1941 года, окончил Высшие офицерские курсы “Выстрел”, уже офицером воевал на Псковщине и дошёл до Берлина. На пути к центру немецкой столицы батальоны 674-го полка, прикрываясь огнём артиллерии и танков, ворвались в Имперское министерство внутренних дел и приступили к его зачистке. Министерство — это целый комплекс зданий, почти квартал, превращённый в единый узел сопротивления, в крепость с тщательно продуманной системой огня и жизнеобеспечения. Для разгрома этой твердыни полку Плеходанова потребовались сутки.

От МВД до рейхстага было рукой подать. Но на несколько суток это пространство стало пространством смерти. Именно здесь в ходе первых атак на рейхстаг был почти целиком выбит соседний 756-й стрелковый полк полковника Зинченко.

Тридцатого апреля начался штурм рейхстага. В этом штурме после артподготовки приняли участие боевые группы из многих других частей и подразделений, в том числе отважная четвёрка разведчиков-артиллеристов капитана Макова. Не сразу удалось штурмующим прорваться к рейхстагу. Артиллерия поддержки вынуждена была повторять арталёты по неподдавленным огневым точкам, которые препятствовали продвижению пехоты к зданию рейхстага. Пока готовился очередной огневой налёт, генерал

Шатилов приказал ввести в бой 756-й полк полковника Зинченко. Полка-то, понятное дело, у Зинченко не было. Но в ряды атакующих влился батальон Неустроева числом до роты. Надо же было кому-то нести знамя Военного совета. Правда, куда его неустровцы потом дели, до сих пор не ясно.

Из боевого донесения начальника штаба 674-го стрелкового полка майора Жаворонкова 2.5.45 года: “1. Первые люди нашего полка ворвались в рейхстаг в 14:25 мин. 30.04.45 г. 2. Водружено знамя над рейхстагом в 14:25. 3. Бой в рейхстаге длился с момента входа в рейхстаг целую ночь. 4. Во время входа наших подразделений в рейхстаг там никаких других частей не было. Наши подразделения вошли в рейхстаг одни”.

И ещё один документ: “Итоговое боевое донесение 674 сп 150 СИД. 29.4.45.—02.5.45 г. ...Ведя ожесточённые бои, подразделения полка к 5:00 30.4.45 г. заняли министерство внутренних дел — канцелярию Гимmlера — и к 9:00 заняли исходный рубеж перед штурмом рейхстага. После артподготовки, начавшейся в 14:00, начался штурм рейхстага. В 14:25 30.4.45 г. ворвались в здание рейхстага с северной части западного фасада 1 стр. рота и взвод 2-й стр. роты 1 стр. батальона 674 сп, с которыми было 6 человек разведчиков для установления флага над рейхстагом.

Командиром взвода разведки 1 стр. батальона мл. лейтенантом Кошкарбаевым и бойцом разведвзвода полка Булатовым было водружено знамя над зданием рейхстага. Героизм и храбрость при водружении знамени проявили бойцы разведвзвода полка: ст. сержанты Лысенко, Правоторов, Орешко, красноармейцы Габидуллин, Пачковский, Брюховецкий во главе с командиром разведвзвода лейтенантом Сорокиным”.

Однако случилось так, что вся слава взятия рейхстага досталась не тем, кто его брал в действительности и кто под пулями устанавливал над ним победное знамя. Семён Егорович Сорокин, бывший командир разведгруппы, после войны в Центральном музее Вооружённых Сил СССР разглядывал Знамя Победы, узнавал в нём то самое, шитое его лихими разведчиками из наперника, найденного в “Доме Гимmlера”, и молчал... Кому что докажешь? Как начальство решило в мае сорок пятого, так и записали в историю...

Но, по всей вероятности, бывший командир разведчиков 674-го стрелкового полка молчал неспроста, посоветовали, убедили, что так для него будет лучше. Вот записанные на магнитофонную плёнку беглые воспоминания Семёна Егоровича Сорокина о тех днях: “Дал это знамя Булатову. Хотел он в окно. Выше, выше, выше надо, говорю. И пошли выше. Вылезли, видим: конная масса лошадей... Я говорю: вот это самое подходящее — центральный вход. Привязали кое-какими верёвками. Когда я докладывал Плеходанову: “Водрузили знамя, вот это, наше...” — вырвал у меня трубку Зинченко и этой трубкой ударил по голове мне. Я мог расстрелять всех там... И тогда пошла молва: “Вот они водрузили то знамя...” А уже первого числа, когда наше знамя было там, Рюмкин — корреспондент, Роман Кармен со своими работниками начал снимать эту эпопею, сказал: “Кто водружал-то? Они водружали? — Нет, — говорит, — мы не пойдём сниматься. Вы водружали там, вы, — говорит, — и меняйте его”. Вот как они сами сказали, Егоров и Кантария. А только ихний командир батальона Неустроев пошёл туда с нами и попросился просто: “Семён Егорович, разреши, — говорит, — мне сняться с вами для истории...” А если бы я знал, что он такую подлость будет делать, я бы его оттуда... с коней спустил бы...”

Командир дивизии генерал Шатилов в своих мемуарах “Знамя над рейхстагом” напишет: “...в 14 часов 30 минут я принял почти одновременно два доклада — от Плеходанова и Зинченко:

— Полторы наших роты ворвались в рейхстаг! — доложил один. — Время — четырнадцать двадцать пять!

— В четырнадцать двадцать пять рота Съянова ворвалась в главный вход рейхстага! — доложил другой. — Знамя Военного совета поставлено у колонны, справа от входа.

— Знамя вижу! — ответил я.

И снова, если давать ответ на вопрос: “Кто же был первым?” (а вопрос этот вызывает подчас чрезмерно повышенный интерес), я бы ответил:

“А так ли уж это важно? Играют ли здесь роль минуты и секунды? Важно, что каждый стремился быть первым и делал всё, чтобы быть им, не прячась за спины товарищей”. Первыми были в полном составе рота Петра Греченкова, группа Ивана Лысенко и рота Ильи Сьянова”.

О знамени Военного совета Зинченко своему командиру сказал неправду. Знамя №5, как утверждают исследователи, в рейхстаг по неизвестной до сих пор причине так и не попало. Как его мог видеть генерал Шатилов? Что касается проблемы “кто же был первым?”, то здесь можно согласиться с генералом, что, действительно, не столь и важно, это же не спортивные соревнования в скорости и быстроте, когда победу решают минуты и секунды. Но почему одним наградили обещанными Золотыми Звёздами, а другим дали утешительные ордена? Финал с награждением решили по-чиновничьи, не по-солдатски.

В ночь на 1 мая 1945 года рейхстаг был очищен. Гарнизон его частично истреблён, частично пленён. Потери нашей стороны тоже оказались значительными. Надо отдать должное защитникам Берлина: сражались до последнего патрона и до последнего солдата.

В очищенный от противника рейхстаг со всего Берлина хлынули бойцы и офицеры, делегации армий, корпусов, дивизий и дивизионов, полков и различных служб. Устанавливали свои флаги, флажки и вымпелы. Делали на стенах и колоннах надписи: “Учтено за кур”; “Привет Москве! Берлину крышка!”; “Одессит Пескин. Ленинградец Житмарёв. Осмотрели развалины Берлина. Остались весьма довольны”; “За Ленинград заплатили полностью”; “Урал-Москва. Мы привезли снаряды, бомбы, людей и разбили это гнездо зверей!” Среди прочих была и такая надпись: “Слава героям, водрузившим Знамя Победы над Берлином!”

А настоящих героев отнесли в сторону. Других назначили...

По сценарию, написанному кем-то из работников политорганов, настоящим Знаменем Победы могло быть только знамя Военного совета 3-й ударной армии. Такие знамёна были изготовлены заранее и розданы в дивизии. В каждую дивизию по одному. Знамёна были пронумерованы. 150-й Идрицкой дивизии досталось знамя под номером 5. Командир дивизии генерал Шатилов через политотдел передал его в полк полковника Зинченко, который, растеряв в боях личный состав, был сильно удручён. А тут ещё на НП забрёл командир разведгруппы лейтенант Сорокин и начал докладывать по телефону в штаб соседнего полка о том, что Знамя Победы установлено... У полковника вначале сдали нервы, поднял руку на младшего по званию. Если бы нервы сдали и у лейтенанта, то лежать бы жизненному Фёдору Матвеевичу Зинченко в луже крови изрешечённым автоматной очередью в упор... Сорокин сдержался. Видимо, слишком велика была радость только что свершённого его разведгруппой. А Зинченко, охваченный завистью в соседу, тут же позвонил Шатилову и в горячке доложил о том, что его бойцы водрузили над рейхстагом Знамя Победы. Примерно в это же время, возможно, чуть раньше, в штаб дивизии позвонил подполковник Плеходанов. Но знамя Военного совета №5 по-прежнему находилось на НП Зинченко...

Военный журналист Евгений Кириченко несколько лет назад опубликовал в интернете статью-исследование “Молчание знаменосца”. В ней он затронул многие аспекты истории штурма рейхстага. Рассказал правду и о знаменосцах.

“...Виктор Тёмин сделал увеличенный снимок для юбилейной выставки, посвящённой Дню Победы. Под ним стояла короткая подпись: “1 мая 1945 года”. Знамени над рейхстагом на этой фотографии не было. Да и не могло быть, потому что Егоров и Кантария, как потом выяснится, перенесли победный флаг с фронта на купол только к вечеру 2 мая, когда здание перестало гореть. Эту историю с водружением снимал уже другой человек, корреспондент “Фронтовой иллюстрации” Анатолий Морозов.

Спустя почти 60 лет после Победы, — пишет далее Евгений Кириченко, — он рассказал в газете “Известия”, как утром 2 мая выгнали Егорова и Кантарию на крышу из подвала рейхстага, где те отсыпались вместе с остальными разведчиками батальона Неустроева. Приказ сфотографировать их

пришёл в телеграмме из Главпура. Правда, в Москве ещё не знали фамилий знаменосцев, и найти их должен был сам Морозов.

Сам он их нашёл или кто помог, но, по воспоминаниям командира 756-го полка Зинченко, приказ доставить к рейхстагу Егорова и Кантария поступил ему от командира 150-й дивизии Шатилова. Знаменосцы должны были установить на куполе знамя Военного совета №5, которое таинственным образом куда-то исчезло. Официально считается, что оно, установленное на куполе рейхстага утром 1 мая, было сбито огнём фашистов или сгорело от пожара. Хотя по воспоминаниям участников штурма рейхстага, его там и не было. Поэтому Егорову и Кантарии пришлось снимать с конной статуи Вильгельма то самое знамя, сшитое из эсэсовской перины разведчиками группы Сорокина, и пробираться с ним к куполу, закинув за плечи автоматы.

Собственно говоря, именно эта деталь — заброшенные за плечи автоматы знаменосцев — и выдаёт постановочный характер фотографии. Щёлкая затвором камеры, направленной на героев штурма рейхстага, обходивших древко с развевающимся на пороховом ветру флагом, корреспондент предположить не мог, что ни Егоров, ни Кантария в этом самом штурме как раз и не участвовали. Их просто назначили знаменосцами 150-й дивизии и привели в рейхстаг в сопровождении автоматчиков роты Сьянова, когда сопротивление немецкого гарнизона фактически было сломлено.

В ту первую ночь мая путь знаменосцам на крышу рейхстага автоматом и гранатами расчищал замполит батальона Алексей Берест. По идее, главным героем снимка как раз должен был стать именно он. Но в подвале рейхстага его не оказалось, и в кадр фотокорреспондента Берест не попал. Как не попал и в указ Президиума Верховного Совета о присвоении звания Героя Советского Союза участникам штурма рейхстага из 756-го стрелкового полка. Говорят, его вычеркнул Жуков, который не сильно жаловал политработников...

Вычёркивал или не вычёркивал Жуков Береста, неизвестно. Ни свидетельств нет, ни документальных подтверждений. Демонизировать лишний раз Маршала Победы не будем, без нас на этом поприще кропотливых работников хватает. К тому же, если предположить, что командующий войсками 1-го Белорусского фронта знал имена тех, кто первым поднял над рейхстагом Знамя Победы, то уменьшить количество тех, кто ворвался в здание рейхстага вслед за разведчиками, повод у него был.

А теперь снова вернёмся к подполковнику Плеходанову: “Вскоре в честь героев штурма рейхстага командование корпуса решило устроить банкет. Это было на даче Геринга. Командир корпуса, глядя на листок бумаги, провозгласил тост, назвав командира дивизии В. Шатилова, воинов 756-го полка: Ф. Зинченко, С. Неустроева, И. Сьянова, Береста, Егорова и Кантария. А затем лишь упомянул меня, моего заместителя по политчасти Субботина, командира батальона Давыдова, командира роты Греченкова.

Тогда из-за стола встала врач медчасти Р. Дроздова, которая отлично знала, кто штурмовал рейхстаг, кто первым проник туда и водрузил Знамя Победы. Она сказала:

— Так это и есть все герои штурма рейхстага? Позвольте, а где же остальные герои и, в частности, разведчики 674-го полка, которые первыми ворвались в рейхстаг и водрузили на нём Знамя Победы?

— На банкет приглашены только офицеры, — ответил В. Шатилов.

— Но я вижу вон Егорова и Кантария. Какое отношение они имеют к Знамени Победы? Если говорить честно, я больше на это имею право. Во время всех трёх штурмов рейхстага я находилась на НП полка Плеходанова. Вместе с Плеходановым вошла в рейхстаг. А Егоров и Кантария пришли туда на много часов позже меня. Да вдобавок к тому — под охраной...

Среди собравшихся произошло замешательство. Люди стали переглядываться, шептаться. Назревал скандал. Чтобы избежать его, мы, офицеры 674-го полка, убрались восвояси. Банкет не получился...

Не забуду я и дня, когда в дивизии отбирали в Москву воинов для участия в первом параде в честь Победы над фашистской Германией. Делалось всё втихомолку, скрытно и в спешном порядке. Помню, В. Шатилов отобрал

тогда Сьянова, Егорова, Кантария и ещё кого-то из полка Зинченко, несколько воинов из других частей дивизии. И в отместку нам, ни одного представителя 674-го полка, взявшего рейхстаг!”

Вот так плонули в душу Героям. Настоящим героям штурма рейхстага.

Роль маршала Жукова в этой истории неясна. Однако известно, что он распорядился Знамя Победы на параде 24 июня 1945 года не проносить, сдать его как реликвию в Центральный музей Вооружённых Сил на вечное хранение. Не были включены в полк 1-го Белорусского фронта комбат Неустроев и знаменосцы Егоров и Кантария. Во время Парада они среди зрителей сидели на гостевых трибунах. И ещё один штрих. Когда Жукову положили на стол пачку представлений к званию Героя Советского Союза участников штурма рейхстага, он просмотрел их и сказал, что список слишком большой, отобрал листы генералов, а по поводу остальных заметил:

— Надо разбираться.

Почти все из списка получили ордена Красного Знамени. Однако некоторые спустя год были всё же удостоены звания Героев. Среди них старший сержант Иван Никифорович Лысенко.

Представление на Героя подполковнику Плеходанову генерал-майор Шатилов подписал 4 мая 1945 года. Командир корпуса генерал-майор Перевёрткин своей подписью подтвердил представление, и оно ушло в штаб армии. По всей вероятности, дальше штаба армии документ не пошёл. Подполковнику Плеходанову была утверждена награда орденом Красного Знамени.

Младший сержант 756-го стрелкового полка Пётр Николаевич Пятницкий в историю штурма рейхстага вошёл под другим именем — Забытый Солдат. Родился он в 1913 году в селе Мужинове Клетнянского уезда Орловской губернии, ныне Брянской области. Учился в сельской школе. Как и все деревенские дети, рано начал трудиться. Работал в колхозе. Летом 1941 года — уже на фронте. Воевал в 267-й стрелковой дивизии. В июле 1942 года тяжело ранен в очередном бою и попал в плен. Дважды пытался бежать, но оба раза неудачно. После каждого из побегов подвергался жесточайшим наказаниям, пыткам. В 1944 году наступающие войска Красной армии освободили концлагерь. Наступающие войска несли большие потери, нуждались в пополнении, а тыл уже не восполнял редующие роты и батальоны. В подразделение зачислены бывших военнопленных, предварительно прошедших фильтрацию. В числе таких “призывников” оказался и Пётр Николаевич Пятницкий.

Капитан Неустроев взял его в свой штурмовой батальон связным, а 30 апреля передал ему красное знамя и приказ: вместе с подразделениями, штурмующими рейхстаг, ворваться в здание и поднять знамя над рейхстагом.

Из воспоминаний однополчанина Пятницкого Анатолия Джугаша: “Среди имён солдат и офицеров — людей, бравших рейхстаг, — несправедливо забыто одно — Петра Николаевича Пятницкого. А между тем он первым выпрыгнул на мостовую из окна дома Гимmlера в Берлине, когда начался штурм рейхстага 30 апреля 1945 года при самой первой атаке. Потом под перекрёстным огнём на улице Ландер-канал, когда роты 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта залегли, то вдруг в полный рост встал один из бойцов, развернул полотнище красного знамени и увлёк за собой своих товарищей. Это был младший сержант одной из передовых рот 756-го стрелкового полка Пётр Пятницкий. Оставшиеся в доме Гимmlера бойцы увидели, как Пётр Пятницкий бежал уже на ступени главного входа рейхстага, взмахнул опять знаменем. Секунда, другая, ещё немного — и он в яростном прыжке зацепился было носком сапога за кромку последней гранитной ступени лестничного марша, но в этот момент его срезала пулемётная очередь...”

Сражённого пулемётной очередью товарища подхватил бежавший за ним младший сержант Щербина. Подбежали другие бойцы. Тело Пятницкого они отнесли к колонне, чтобы не затоптали бегущие по ступеням вверх солдаты и командиры других подразделений. Знамя, как вспоминал Анатолий Джугаш, закрепили на верхней части колонны над парадным входом в рейхстаг.

По другой версии, тело Петра Пятницкого лежало весь день на ступеньках рейхстага, пока не началась следующая, вечерняя атака, во время

которой подразделения 150-й стрелковой дивизии и других частей ворвались в здание рейхстага. Он лежал мёртвый, сжимая в одной руке древко развёрнутого знамени, в другой — автомат с пустым диском. Никто не мог подойти к нему, ни его боевые товарищи, ни те, кто продолжал яростно оборонять рейхстаг. Огонь вели и те, и другие. Была артиллерия, танки, миномёты, пулемёты.

Военный корреспондент Василий Субботин написал о подвиге Петра Николаевича Пятницкого заметку. Но в печать она не пошла. К тому времени в штабах уже начали делить Золотые Звёзды, младший сержант Пятницкий в “золотой” список не вошёл. Более того, тело его похоронили в безымянной могиле и семье ушло извещение о том, что их отец, муж и сын пропал без вести... Но та неопубликованная заметка в набросках и черновых записях сохранилась в блокноте Василия Субботина. Впоследствии, когда начала возвращаться правда о штурме рейхстага, он рассказал о герое.

Существует версия и о том, что Пётр Николаевич Пятницкий какое-то время воевал в составе партизанского отряда французского Сопротивления и отличился в боях как храбрый пулемётчик.

Из воспоминаний командира батальона капитана С. А. Неустроева: “Кто пойдёт первым? После короткого раздумья я пришёл к твёрдому решению, что следует послать младшего сержанта Петра Пятницкого. Вместе с ним мы прошли большой боевой путь. Я любил его за храбрость, безупречную исполнительность, за хватку в бою. Пятницкий был моим ординарцем. Но когда требовалось выполнить особо важное поручение в масштабе отделения или взвода, я смело поручал его Петру. Вызвав его к себе, я сказал: “Придётся тебе, Петя, со взводом резерва первому преодолеть Шпрее по мосту, за тобой повзводно пойдёт весь батальон”. Он волнения на скуластом лице младшего сержанта заходили желваки. Я понимал, что он не боится ни гибели, ни ранения, а озабочен в эту минуту только одним: сможет ли он исполнить то, что ему поручено? Пятницкий ответил: “Задача ясна”.

Взвод, который вёл младший сержант Пятницкий через Шпрее по полуразрушенному мосту, попал под заградительный артиллерийский огонь немцев. Их артиллерия и миномёты били из Тиргартен-парка и со стороны Бранденбургских ворот. Большие потери заставили капитана Неустроева ввести в дело резервный взвод младшего лейтенанта Лебедева. Разведчики из группы капитана Макова в это время срочно перегоняли по рации в штаб своей артиллерийской бригады координаты обнаруженных целей. И вскоре огонь немецких батарей стал слабее. Артиллеристы подавили многие огневые точки на противоположном берегу. И пехота пошла по мосту смелее.

“Настал решающий момент для форсирования Шпрее, — вспоминал Неустроев. — Взвод Петра Пятницкого и взвод Николая Лебедева бросился вперёд. Следуя за разрывами наших артиллерийских снарядов, солдаты устремились к мосту. Затем вперёд бросились бойцы роты старшего лейтенанта Панкратова. Тем временем Пятницкий перебрался на другой берег реки. За ним Лебедев. Вскоре на тот берег перебралась вторая стрелковая рота лейтенанта Михаила Гранкина, за ней пулемётчики, миномётчики и остальные подразделения моего батальона”.

Пётр Николаевич Пятницкий погиб во время первой атаки на рейхстаг на ступеньках главного входа. В суматохе победного ликования, парадов и других торжеств о нём, погибшем, забыли. И дело вовсе не в награде. Дело в том, что — забыли. Хотя награда и не позволила бы забыть.

Однако память, как и правда, а правда, как и память, — обе эти стихии, со временем переходя в категорию нравственную, имеют свойство возвращаться, и порой тогда, когда их уже не ждут.

А теперь — самая трагичная страница этой главы — Григорий Петрович Булатов. Родился 16 ноября 1925 года в деревне Черкасово Берёзовского района Свердловской области. Как отмечают исследователи, свой род Булатовы ведут из староверов, сосланных в Курганскую область. В 1929 году семья Булатовых, как и многие крестьяне в этот период советской истории, из деревни перебралась в город — бежали от коллективизации, попали

в индустриализацию... Сперва Булатовы поселились в городе Кунгуре Пермского края. Потом переехали в городок Слободской под Вяткой. Родители Пётр Григорьевич и Анна Михайловна устроились на работу на спиртзавод. Семья жила в бараке, принадлежащем спиртзаводу. Восьми лет Гриша пошёл в школу. Родители по крестьянской привычке держали хозяйство — корову, свиней, кур. Пока родители на работе, на Грише лежала забота о скоте: покормить, убрать, напоить, досмотреть. С отцом и матерью косил сено. Любил лес, прекрасно в нём ориентировался, попадая даже в незнакомое место. Был страстным грибником. Много времени проводил на реке Вятке. Рыбачил. Плавал, как рыба. Несколько раз спасал тонущих. Среди друзей-товарищей, несмотря на свой невеликий рост, был заводилой и авторитетом. Брал энергией, сообразительностью, способностью мгновенно и точно действовать в самых сложных обстоятельствах.

Друг детства Виктор Шуклин вспоминал такой случай. Однажды во время купания на реке он, Виктор, сильно порезал о стекло ногу. Кровь хлестала так, что стало страшно. Гриша первым пришёл в себя, схватил свою рубашку, разорвал её и перевязал рану, перетянул скрученным жгутом ногу. Взвалил друга на спину и на себе потащил домой. Всё обошлось. Шрам на ступне остался на всю жизнь. А Грише досталось от матери за разорванную рубашку.

Перед самой войной пошёл работать на комбинат “Красный якорь”. Цех, в который приняли Григория, выпускал фанеру для нужд советского авиапрома. Должность у Григория в цеху была самая “чёрная” и ответственная — кочегар котельной. Без тепла в цеху качественную фанеру для боевых самолётов не склеишь.

Когда началась война, отец Пётр Григорьевич ушёл на фронт. В 1942 году на него пришла похоронка. Григорий тут же метнулся в военкомат. Хотелось поскорее попасть на фронт, отомстить за отца. Военком заглянул в свидетельство о рождении — шестнадцать лет. Посоветовал немного подрасти и выпроводил домой. Целый год он обивал пороги военкомата, всерьёз занялся самоподготовкой. Физзарядка, бег, плавание, подтягивание на турнике. Выучился на шофёра. Потом, на фронте, это не раз помогало, гонял и на своих машинах, и на трофейных. В июне 1943 года военком, наконец, сдался, Григория призвали в Красную армию. Но всё же, учитывая его малолетство, на фронт не отправили, хотя там, между Орлом и Курском, заваривалась густая каша, — направили в команду по охране военных складов. Склады те находились неподалёку, в посёлке Вахруши.

Весной 1944 года ему выпало неожиданное поручение: сопровождать эшелон лошадей, конечный пункт — Великие Луки. Назад рядовой Булатов уже не вернулся — зачислен рядовым стрелком в роту 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 79-го корпуса 3-й ударной армии.

Войну начал в стрелковой роте. Бои северо-западнее Невеля. Под непрерывным огнём противника вброд через реку своевременно доставлял боеприпасы на передний край и получил медаль “За отвагу”. За высоту 228,4 дивизия дралась несколько суток. Не зря её прозвали “Заозёрной”, по аналогии с той, памятной, у озера Хасан... Когда полки дивизии овладели высотой, немцы предприняли серию контратак при поддержке танков и артиллерии. Все они были отбиты с большими потерями с обеих сторон. Захват “Заозёрной” открыл корпусу путь на Идрицу. После освобождения Идрицы 150-я стрелковая дивизия получила почётное наименование Идрицкой.

Пятого июля в бою у озера Учёное Булатова впервые ранило. Через пять дней он уже вернулся в роту. Вскоре познакомился с разведчиками. Командир отдельного взвода пешей разведки младший лейтенант Семён Сорокин сразу приметил в молодом пехотинце качества, необходимые разведчику, и настоял на переводе рядового Булатова из роты в свой взвод.

В сентябре захватил “языка”, и Булатова наградили второй медалью “За отвагу”. В октябре получил свой первый орден — Славы 3-й степени. Из наградного листа: “Тов. Булатов — участник всех наступательных боёв, проведённых полком с 10.7.44 г., в боях действовал смело и решительно. В бою 20 сентября 1944 г., выполняя приказ командира, смело выдвинулся вперёд

и гранатным огнём уничтожил пулемётную точку противника вместе с расчётом...”

В берлинских боях Григорий Булатов по-прежнему воевал в составе разведгруппы лейтенанта Семёна Сорокина. Привожу документ, созданный 6 мая 1945 года. Это представление к званию Героя Советского Союза на рядового Булатова Григория Петровича, подготовленное командиром 674-го стрелкового полка. В нём “краткое, конкретное изложение личного боевого подвига” разведчика Булатова: “В бою 17.4.1945 года противник, используя водную преграду — канал Фридландерштрот, — пытаясь приостановить продвижение наших подразделений, стянул много огневых средств и оказал яростное сопротивление. Тов. Булатов в числе группы разведчиков при поддержке мощного налёта нашей артиллерии вклавь переправился на западный берег и стремительным броском ворвался в траншею противника, захватив несколько его огневых точек, группа разведчиков своими резкими и самоотверженными действиями посеяла замешательство в стане врага. Используя успех разведчиков, через канал было переброшено ещё несколько штурмовых взводов, чем был обеспечен прорыв обороны немцев на участке полка. Тов. Булатов в группе разведчиков, пользуясь тем, что линия обороны противника нарушена, обошли крупный населённый пункт Куненсдорф и отрезали путь отхода его гарнизону. При попытке отхода немцы были встречены сильным огнём из пулемётов и фаустпатронов и загнаны в подвалы каменных зданий. В результате чего подошедшее наше подразделение захватило в плен более 250 немецких солдат и офицеров и много вооружения. 29.04.1945 г., когда полк, ведя ожесточённые бои на подступах к рейхстагу, вышел на р. Шпрее, тов. Булатов был из тех, кому было приказано при поддержке артиллерии на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробраться к зданию рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 года <они> ворвались в здание рейхстага, сходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона рейхстага. Пробившись на верхний этаж, тов. Булатов в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над рейхстагом Красное знамя. Достоин присвоения звания “Герой Советского Союза”. 6 мая 1945 года командир 674 стрелкового полка подполковник Плеходанов...”

Этот документ, хранящийся в архиве Министерства обороны Российской Федерации в подмосковном Подольске, — свидетельство не только подвига и скрытой от нас правды штурма рейхстага, водружения над ним Знамени Победы, он ещё и начало трагедии самого юного знаменосца, и не только его, а десятков воинов, которых забыли в угоду сценарию, придуманному в штабах и партийных кабинетах, которых вытерли из истории самой яркой страницы битвы за Берлин.

Булатову в мае 1945 года было 19 лет. Габидуллину — тоже 19. Кошкарбаеву — 20. Лысенко — 28. Удостоен звания Героя Советского Союза. Орешко — 26 лет. Правоторову — 24. Сорокину — 23. Пятницкому, погибшему со знаменем в руках на ступеньках рейхстага, — 32 года. Пачковскому — 21. Гвардии капитану Макову из артиллерийской группы, которая второй, следом за группой лейтенанта Сорокина, водрузила знамя над рейхстагом, — 23 года. Лядову — 28 лет. Лисименко — 23 года. Минину — 23. Ковалёву — 20 лет. Исмаилову — 26. Загитову — 24 года. Долгих из группы лейтенанта Сорокина (убит при штурме рейхстага) — неизвестно. Капитану Давыдову, командиру батальона 674-го стрелкового полка, ворвавшегося в рейхстаг, — 26 лет. Удостоен звания Героя Советского Союза. Лейтенанту Греченкову, командиру роты 674-го стрелкового полка, — 30. Удостоен звания Героя Советского Союза. Брюховецкому — неизвестно. Боброву — 26. Бересту — 24 года.

Как можно понять из этого списка знаменосцев и командиров штурмовых подразделений (список далеко не полный), Золотую Звезду получили немногие, и то не за Знамя Победы. Вот почему подполковник Плеходанов, буквально за хвост пытаясь уловить ускользающую ситуацию, основной упор в представлении на Булатова делает на бои, а не на установление знамени полка над рейхстагом. Но и это не прошло.

Сам Булатов, как и его боевые товарищи, в эти дни испытывал тяжёлое чувство горечи: обманули. Обещали одно: кто первым поднимает над рейхстагом Знамя Победы, тому — Героев. Подняли они, группа Сорокина. Древко устанавливал он, Булатов. Ему помогал Правоторов. Остальные прикрывали их манёвр. Но все они были единой группой под командованием лейтенанта Семёна Егоровича Сорокина, который и руководил ими, и одновременно вёл огонь из автомата, бросал гранаты, пробивая путь наверх, а потом на выход. Так где же их обещанные командованием Золотые Звёзды? Почему знаменосцами назначили тех, кого они не видели ни в бою во время штурма, ни в самом рейхстаге 30 апреля? Почему не получил звание Героя их командир полка? Вдобавок ко всему сыпанули соли на рану — никого из 674-го полка не зачислили в группу участников московского Парада Победы. Поехали полковник Зинченко, Егоров, Кантария, Неустроев... А ведь 30 апреля никого из них не было в рейхстаге!

Булатову 30 апреля довелось ещё и возвращаться в рейхстаг. Со штурмовым флагом. Вместе с лейтенантом Кошкарбаевым. И штурмовой флаг он установил. Хотя многие погибли тогда, во время очередного штурма и второй волны установки флагов и вымпелов. Был убит младший сержант Пятницкий, посланный к рейхстагу командиром батальона соседнего 756-го полка Неустроевым. Многие не вышли из того боя. И некоторых потом, впопыхах, похоронили безымянными. А он дважды пересекал простреливаемое косопримельным огнём пространство площади перед рейхстагом и уцелел. Счастье жизни после такой кровавой бойни, конечно, выше всех наград. Но всё же...

С этой горечью и вернулся домой в городок Слободской на Вятке бывший лихой и удачливый разведчик 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии. Вернулся героем — грудь в орденах. Самый высокий — орден Красного Знамени. Весьма почитаемая награда, считалась офицерской. А уж рядового солдата награждали этим орденом редко и только за особые заслуги. За орден Красного Знамени ежемесячно государство выплачивало его владельцу по 20 рублей. За другие ордена и медали — от 5 до 15. За 20 рублей после войны можно было купить килограмм краковской колбасы или три пачки “Казбека”. С 1 января 1948 года выплаты были отменены и “высвободившиеся средства направлены на подъём народного хозяйства”. Но Булатова это не утешало.

По возвращении домой устроился на работу — снова на фанерный комбинат “Красный якорь”, откуда был призван в армию. Вначале работал слесарем в механическом цехе, потом мотористом на катере. О войне, как и многие фронтовики, старался молчать. Но люди, видя на его груди боевые ордена, расспрашивали — за что. Медали “За отвагу” — за бои под Великими Луками и Идрицей. “Славу” — за уничтожение немецкого пулемёта вместе с расчётом. “Красное Знамя” — за Красное Знамя над рейхстагом 30 апреля сорок пятого года... Не все верили ветерану. “А где же Звезда Героя? Ведь всем, кто первым поднял Красное Знамя над рейхстагом, присвоили звание Героя Советского Союза...”

Всем... кто первым поднял...

Земляк Булатова и фронтовик Виталий Петрович Лупшов, долгие годы работавший вместе с Булатовым на фанерном комбинате, вспоминал: “...Все вокруг считали Булатова кто чудачком, кто обманщиком, а кто обычным забудыгой”. Что ж, ничто человеческое не было чуждо бывшему разведчику, не раз глядевшему в глаза смерти. В том числе и на крыше здания рейхстага 30 апреля 1945 года. Мог и выпить, и крепкое словцо запустить в адрес тех, кто сотворил с ним и его товарищами злую несправедливость. “Помню одно ранее утро, — вспоминал В. П. Лупшов, — когда на рыбалке мы разговорились, и я спросил:

— Григорий, ты ведь знаешь, что в городе у тебя прозвище “Гришка-Рейхстаг”? Скажи правду — оно не кажется тебе обидным?

Григорий в ответ неохотно бросил:

— Герои не умирают.

Странными показались мне тогда его слова. Непонятно было, то ли это горькая ирония над собой, то ли намёк на известные мне обстоятельства. Но шли годы, историки открывали всё больше правды о событиях весны 1945-го — и наконец мне стало ясно: в тот день на рыбалке Григорий говорил искренне, без шуток и намёков.

Пускай в 1945-м его не наградили Золотой Звездой Героя, но кто может ставить под сомнение героизм Булатова, если в шаге от Победы боец не побоялся рискнуть жизнью ради того, чтобы установить штурмовое знамя на рейхстаге и поднять таким образом боевой дух товарищей?

Рассуждать об этом легко в мирное время, но поверьте мне, фронтовику, — трудно шагнуть под пули навстречу смертельной опасности, когда ураганный огонь врага косит твоих однополчан, а до мирной жизни считанные дни остались.

Потом Булатов рассказал мне и про такой эпизод:

— Позднее Кантария отыскал меня, и мы поговорили. Он недоумевал: “Ведь ты, Гриша, первым водрузил знамя, а мне и Егорову присвоили Героя Советского Союза”. Я спросил: “А как же мне? — Тебе присвоят позднее”, — сказал Кантария”.

Теперь, когда Министерство обороны Российской Федерации опубликовало многие документы, касающиеся штурма рейхстага, на родине Булатова знают правду о своём земляке.

“Григория давно нет среди нас, — вспоминает Луппов. — сколько же изменилось со дня его ухода! Был схоронен безвестным вдали от глаз людских, а сейчас его памятник виден издали каждому, кто идёт на городской погост через центральные ворота.

Когда я в День Победы прихожу к могиле Булатова, здесь бываетлюдно, слышны разговоры людей, пришедших поклониться Знаменосцу. Но мне сквозь годы звучат в памяти его собственные слова, сказанные с такой убедительностью: “Герои не умирают”.

Ему было уже за тридцать, когда женился на местной девушке Римме Тарнавских. В 1956 году родилась дочь Людмила. Но с годами наметился разлад с женой, и Римма Андреевна от него ушла, забрала дочь. К тому времени мать Анна Михайловна и сестра Наталья уехали на родину, на Урал. Григорий Петрович остался один. По праздникам его приглашала к себе семья Винокуровых. Зинаида Винокурова, племянница Риммы Андреевны, и её муж Виктор, как могли, опекали “дядю Гришу”. Зинаида вспоминает некоторые врезавшиеся в память эпизоды: “Рассказывая на людях о своём подвиге, дядя Гриша нередко слышал насмешки в ответ. Неудивительно, что впоследствии он замкнулся, в компаниях старался сдерживаться и лишний раз не упоминать о своей роли в штурме рейхстага.

Выговориться он позволял себе только в узком кругу родни, где не поднимут на смех. В этот круг входили и мы с мужем Виктором Васильевичем. Вот почему, заглядывая к нам (иногда сразу после работы), дядя Гриша так часто возвращался мыслью в победную весну 1945-го.

С горечью пересказывал Григорий Петрович эпизоды, которые сегодня подтверждены многими документами, а тогда некоторым казались огульным хвастовством: как после взятия рейхстага, над которым Булатов первым водрузил флаг, сам маршал Жуков жал ему руку и обещал: твой подвиг не будет забыт, солдат!”

Вскоре и сам маршал Жуков попал в опалу. И его долгие годы оттирали от Победы, не упоминали даже, когда писались, а затем издавались и распределялись по библиотекам и учебным заведениям исторические фолианты, по которым целые поколения изучали историю Великой Отечественной войны. “Вот, мол, тебе, строитивец с наполеоновскими замашками!..” Метили в неугодного маршала, а попали в родную историю...

Жизнь у Григория Петровича Булатова не задалась. Признание его подвига и награждение по заслугам откладывалось, оттягивалось под разными предложениями. Земляки тоже поучаствовали в травле. Отказали в приёме в партию. Высказали недоверие в родном комбинатовском коллективе. Он снова

обиделся, уволился с родного предприятия. Новая травма была едва ли менее чувствительной той, которую он получил в мае сорок пятого.

В 1965 году, когда он ещё работал на комбинате “Красный якорь”, сверху пришло указание: дать характеристику на Григория Булатова. В Москве решили запустить новую волну награждений — к 20-летию Победы. И многих действительно наградили, многим дали Героев. Подняли старые представления, пересмотрели ранее принятые решения. Коснулось это и штурмовавших рейхстаг. Но положительную характеристику на комбинате своему работнику и герою последних дней войны так и не дали. Затянули, спустили на тормозах. Конечно, после консультаций с руководящими товарищами...

Судьбу Булатова окончательно перекосила тюрьма. А кого она делала лучше?.. Вначале один срок, потом другой. Обзавёлся татуировками — орлом и медведем на груди и плече.

Во время одного из допросов к нему пришёл сотрудник госбезопасности. Провёл нужную беседу на тему мая 1945 года, предложил подписать некий документ. Так Булатов дал подписку о неразглашении.

Работал он и на спиртзаводе, и на фанерном комбинате, и на лесосплаве. На лесосплаве однажды произошёл такой случай. “Матки” — сцепки из плотов — с верховьев Вятки сплавливали в пору весенней большой воды. Задачей сплавщиков было перехватить “матки” перед Слободским, подвести под них мощные тросы, а затем выводить с мощной речной стремнины на “глухари” — прибрежные крепления, находившиеся напротив фанерного комбината уже на его территории. Сплавщики на катерах и лодках перехватывали идущие с верховьев на крейсерской скорости огромные “матки” и заводили их, гася скорость, на прибрежные “глухари”. Работа опасная. Частенько “матки” зажимали лодки сплавщиков, купали их в ледяной воде. Сплавщикам выдавались сто граммов спирта — согреться после очередной смены, прийти в себя. Из-за спирта и произошёл скандал, в центре которого в очередной раз оказался Григорий Булатов.

После истории со Знаменем Победы он стал особенно раним и вспыльчив, когда сталкивался с несправедливостью.

Заканчивалась смена. Последняя “матка” оказалась особенно норовистой. Брёвна гуляли, выворачивались, били по бортам лодки. Тросы, натянутые в струну, звенели, готовые с любой момент лопнуть. Сплавщики с трудом справились с плотами, промокли, устали. Прибыл начальник со свитой. Под хмельком. Бригадир напомнил ему про “сплавные”. А тот: “Хрен вам, а не спирт! Чуть “матку” не упустили...” Сплавщики оторопели. И тут из их рядов выступил Булатов. Он подошёл к начальнику, взял его за ворот куртки и сказал, что самое последнее дело для начальника крысятничать по карманам бортаг... В ответ тот обозвал Булатова “фашистом”.

— С фашистами я встречался штык в штык и не бежал от них, а дрался в открытую! Я рейхстаг штурмовал! А тебе откуда знать, как выглядит настоящий фашист? Ты ведь, говорят, конвоировал штрафников к передовой и подолгу там не задерживался! А ну, гони спирт, канцелярская душа! — И встряхнул начальника.

Говорят, после того случая и прилипло к Булатову прозвище “Гришка-Рейхстаг”. Возникло оно на волне уважения к фронтовику, который сумел защитить себя и своих товарищей. Это потом оно наполнилось ироничным и насмешливым смыслом.

Кого тогда напомнил Григорию Петровичу подвыпивший начальник, зажавший “сплавные”? Генерала Шатилова? Полковника Зинченко?

О войне чаще приходилось рассказывать в пивной. Там его фронтовой эпопеей интересовались чаще и там он видел больше сочувствия и понимания.

Какое-то время после войны в небольшой часовенке на берегу Вятки ютилось городское кафе, а попросту — пивная под названием “Голубой Дунай”. Однажды в пивную зашла компания курсантов речного училища. Курсанты балагурили, десятый раз пересмеивались каким-то старым шуткам, когда услышали чью-то реплику:

— Гришь, глян-ка, наши водоплавающие. Никак, новое поколение на

подходе. — Говоривший выглядел добрым парнем с косою саженью в плечах... — Верно, салаги?

Вокруг добродушно загудели, а один из курсантов шутку поддерживал.

— Верно, батя, — кивнул он.

— Нормальные парни, нашенские, — продолжал новый знакомец, — с юмором — это хорошо. А мы вот тут с Гришей пивом балуемся. — Он указал в сторону невысокого человека со стрижкой полубокс, который всё это время не проронил ни слова. — Знаете хоть, что за человек перед вами? Нет? Это же сам Гришка Булатов!

Булатов опять никак не среагировал, взгляд был устремлён куда-то мимо всех, а вроде и смотрел в упор, но всё равно мимо.

Повисла пауза, только знакомец никак не мог уговориться. Когда пиво закончилось, он принялся разливать по кружкам водку.

— Гриш, Гриш, ну, что ты, ей-богу, расскажи пацанам. Про знамя расскажи, про рейхстаг, они же нашенские, они же поймут.

Булатов обвёл всех взглядом, разом выпил, что было налито в кружке, резко отодвинул её в сторону, встал и, уже не обращая ни на кого внимания, вышел из пивной.

Вокруг сразу всё ожило, зашевелилось. Народ торопился рассказывать и пересказывать друг другу то, что слышал не однажды, то, что не стал рассказывать Булатов. Припоминали всё подряд: и то, что непросто судьбу такую нести на плечах, и несмело костерили власть за то, что не хочет видеть в нём настоящего знаменосца, кто-то хвастался, что работает с героем на фабричном комбинате, кто-то говорил, что ещё до войны с Гришкой знаком был, достойный он человек — Булатов, а вот приклеилось — Гришка-Рейхстаг...

В 1957 году Булатов вместе с другом детства Виктором Шуклиным уехал работать на Север. Эта поездка с переменой места жительства была попыткой убежать от своего прошлого, от вопросов, сочувственных взглядов и насмешек. Прожил на севере около пяти лет. Но снова потянуло на родину.

А тут ещё в 1961 году, в ноябре месяце, в Институте Маркса, Энгельса, Ленина прошла встреча участников штурма рейхстага, а затем, через два года, будто затянувшимся эхом вышел в свет 5-й том “Истории Великой Отечественной войны”. В очередном томе “Истории...” среди знаменосцев названы Рахимжан Кошкарбаев и Григорий Булатов. Эхо конференции, проведённой ИМЭЛ, отозвалось в обществе. Начались публикации, разговоры, дискуссии. В 1964 году в газете “Комсомольская правда” вышла статья в то время известного корреспондента Игоря Клямкина “Знаменосцы”. Снова прозвучало имя Булатова: “Флаг Кошкарбаева и Булатова вспыхнул над входом в рейхстаг...”

В 1965 году начались разговоры о новой попытке представить героя к давно заслуженной Золотой Звезде.

Но постепенно Булатов и тут разглядел подоплёку недобросовестности и подмены. Говорили о штурмовом знамени, установленном им и лейтенантом Кошкарбаевым. О первом же, о сорокинском, снова советовали молчать. На сделку с совестью пойти не мог. Предать своих боевых товарищей? Группу лейтенанта Сорокина? Переступить через своих разведчиков?

В сентябре 1966 года Булатов снова получил срок. На этот раз по статье о хулиганстве — два с половиной года колонии усиленного режима. Сидел недалеко, в Кирово-Чепецке. Колония с историей. Здесь сидел знаменитый футболист Эдуард Стрельцов — “Стрелец”. А ещё раньше Эрих Хартманн — самый выдающийся немецкий лётчик-ас.

Когда Булатов получил свой первый срок, за него заступился маршал Жуков. Теперь в дело вмешался генерал-полковник Шатилов. Приехал сам, разыскал родных. Потом поехал к начальнику колонии. Срок скостили до полутора лет. Генерал чувствовал свою вину в незадавшейся судьбе своего бывшего солдата.

Но будет у Булатова ещё и третий срок — за воровство.

Весной 1969 года в канун Дня Победы он, наконец, выбрался в Москву. Встреча с командиром Семёном Егоровичем Сорокиным, бывшим командиром

второй роты Петром Афанасьевичем Греченковым, братьями Виктора Правоторова. Самого Виктора к тому времени уже не было в живых.

Сорокин, наконец, добился того, о чём мечтал, наверное, с мая сорок пятого, — проведения экспертизы и опознания Знамени Победы, хранящегося в Центральном музее Вооружённых Сил СССР.

Ещё четыре года назад сорокинцы составили письмо-опознание: “В ноябре 1965 года мы вместе с Героем Советского Союза Иваном Никифоровичем Лысенко побывали Центральном музее Вооружённых Сил СССР, где внимательно осмотрели хранившееся в нём Знамя Победы и обнаружили, что это Знамя Победы НАШЕ, т. е. именно то, которое мы, разведчики 674 полка, сами сделали из перины. Об этом нам напомнили оставшиеся не снятыми на его кромке чёрные нитки, стёганные вручную неравномерными стежками, а также грубо струганное кинжалом древко.

В момент водружения на нашем знамени не было ни серпа, ни молота...”

У Булатова была переписка с маршалом Жуковым и Романом Карменом. Хранилась фотография Жукова с его автографом: “На память Герою рейхстага!” Именно так — с прописной. Пока отбывал третий срок, всё из дома пропало.

Девятнадцатого апреля 1973 года тело Григория Петровича Булатова нашли в петле в туалете ремонтного цеха ремонтно-механического завода. Предсмертной записки не обнаружили.

В декабре 2004 года тело торжественно перезахоронили у ворот Трофимовского кладбища города Слободского.

В областном Кирове в парке Победы 8 мая 2015 года открыли памятник Григорию Петровичу Булатову. Деньги на монумент собрали земляки Героя. Автор композиции — скульптор Салават Щербаков. В народе памятник так и называют — “Знаменосец”.

Даже после кропотливого и капитального исследования Григория Киселёва и публикации его антологии “Неудобная правда о взятии рейхстага” история боёв за это здание в центре Берлина полна загадок, предположений и чревата новыми и новыми открытиями.

Впрочем, такова история всей войны. Потому-то и возник в читающем обществе в последние годы интерес к событиям Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Историки, исследователи, писатели шагнули глубже в осмысление военной истории, иногда в запретные темы. В книгах публикуются документы, которые долгие годы утаивались под грифом “секретно”.

Возвращение из забвения героев штурма рейхстага — это ведь никакая не сенсация, а всего лишь преображённая тоска по правде. Которая, как известно, рано или поздно занимает то место, которое ей принадлежит изначально.

Разведчика из 82-й стрелковой дивизии Алексея Леонтьевича Ковалёва на штурм рейхстага командование не посылало. Но он туда всё же попал. С ним и его боевыми товарищами из 8-й гвардейской армии произошла вот такая метаморфоза.

Как известно, 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова бои закончила в районе Бранденбургских ворот. Там, на триумфальной арке и подняла она свои знамёна Победы. Однако разведчикам 83-й отдельной гвардейской разведроты старшему сержанту Абдулхакиму Исмаилову, рядовому Леониду Горячеву и младшему сержанту Алексею Ковалёву однополчане дали поручение — поднять над рейхстагом и свой стяг как свидетельство того, что и они, чуйковцы, штурмовали “логово” и сделали для Победы ничуть не меньше других. 2 мая, когда войска, вошедшие в Берлин, ликовали, интернациональная знаменная группа 8-й гвардейской армии — кумык, белорус и русский — пришли к рейхстагу с порученным им знаменем. Здесь их увидел фотокорреспондент ТАСС Евгений Халдей.

Историк и военный реконструктор Григорий Киселёв, тщательно исследовавший эту историю, написал в своей книге: “По сути, чуть ли не каждая новая группа, прибывающая на смотрины поверженного здания, прихватывала с собой свой флаг и норовила воткнуть его если не на крыше, то на сте-

не или на колонне у входа. Халдей, с присущей ему сноровкой, действовал не колеблясь. Наткнувшись на нескольких глазающих бойцов, он достал свой припасённый флаг, и те вызвались помочь забраться на крышу. Надо сказать, взбираться на сам купол, где свято место ещё пустовало, он не рискнул. Рейхстаг ещё дымился, некоторые конструкции купола скрипели и готовы были обрушиться. Но не унывающий фотокор ТАСС не ступевался. Найдя удобную точку для съёмки — пьедестал конного рыцаря у юго-восточной башни “Бавария”, он выполнил свой фоторепортёрский долг, отсняв в действительности очередную серию постановочных снимков.

Дело в том, что 3 мая 1945 года в газете “Правда”, которая была тогда главной газетой страны, появилась фотография другого фотокорреспондента — В. Тёмина, — на которой был запечатлён разбитый снарядами рейхстаг с дымящимися окрестными кварталами. Над рейхстагом развевалось полотнище флага. Под фотографией подпись: “Флаг Победы над рейхстагом”. Снимок был сделан с самолёта 1 мая. Флага над рейхстагом ещё не было. Его пририсовали в редакции, рассчитывая, что, когда выйдет очередной номер “Правды” с фотографией, флаг над рейхстагом уже наверняка установят. Так и случилось.

Флаг удерживал отчаянный сержант Алексей Ковалёв, реально рискуя сорваться с высоты. Это он бесстрашно взобрался на верх двухметрового скульптурного украшения, торчащего на краю крыши с её восточной стороны, и, балансируя, уткнул древко халдеевского флага. Помогал ему старший сержант 101-й отдельной механизированной разведроты 82-й гвардейской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого Запорожской стрелковой дивизии Абделхаким Исмаилов из Дагестана и гвардии рядовой Леонид Петрович Горячев, разведчик 83-й разведроты из той же дивизии”.

Сам Е. А. Халдей о своих культовых снимках, о том, как удалось их сделать, когда бои в Берлине уже отгремели и все флаги и флажки на рейхстаге, рейхсканцелярии, Бранденбургских воротах и других зданиях в центре поверженной твердыни уже были поставлены, рассказывал следующее: “Я влетел в здание утром 2 мая, выгнал флаг. Это увидели солдаты: “Эй, лейтенант, пошли на крышу, там ему место”. На крыше дым, гарь, языки пламени. Нашёл композицию, еле пристроился на узенькой ступеньке и отснял “лейкой” две кассеты. Об опасности не думал. Спустился с крыши, глянул вверх и ужаснулся — мог ведь загреметь. Этот снимок часто именуют “водружением Знамени Победы”. Но это не так. Кантария и Егоров водрузили знамя 150-й гвардейской дивизии. Но прав был маршал Баграмян, как-то заметив, что у Победы не может быть одного стяга-символа. Безымянные флаги над рейхстагом бойцы поднимали за тех, кто не дошёл, кто не дожил. Полотнищ было много. У поверженного рейхстага обнимались солдаты, доставали флажки с припасённой водкой. Кто плакал, кто смеялся. Но было у всех, в том числе и у меня, ещё какое-то чувство, трудно даже сказать — какое.казалось, что всё то, к чему мы шли все эти 1418 дней, должно было окончиться чем-то более грандиозным. А здесь стоял чёрный от копоти рейхстаг, стояла удивительная тишина. На крыше рейхстага и в проёмах стен адели флаги, красные косынки, куски красной материи. И все — флаги Победы”.

Снимок Е. Халдея “Красный флаг над рейхстагом” оказался самым удачным и облетел весь мир. А ведь в Берлине в это время работали фотокорреспонденты многих изданий, газет и журналов, информационных агентств, в том числе иностранных. Рейхстаг и окрестные здания, улицы, берлинские руины фотографировали все, в том числе и фотографы-любители, которых в войсках по мере приближения к немецкой столице становилось всё больше. Фотоаппарат был хорошим трофеем. К тому же солдат, сержантов и офицеров награждали фотоаппаратами, часами, портсигарами. Но постановочные снимки Е. Халдея оказались лучшими. Впрочем, они так же достоверны, как и те, которые сделаны чуть раньше, когда под куполом ещё гремели выстрелы.

Алексей Леонтьевич Ковалёв родился 10 мая 1925 года. Таким образом, через неделю после своей экскурсии в рейхстаг он отметил своё двадцатилетие.

Родился и вырос в посёлке Бурлин на западе Казахстана. Как видите, и малая родина солдата называлась почти что Берлином. О том, как неполных семнадцати лет Алексей Ковалёв попал на войну, история умалчивает. На фронте с 1942 года. Определили в 321-ю стрелковую дивизию. Её называли Читинской. Формировалась в Чите и окрестностях. Это было уже второе формирование дивизии. Среди бойцов много бурят и якутов. Основу же составляли сибирские казаки, в том числе и выходцы из районов Северного Казахстана. Дивизия сильная, хорошо оснащённая, полностью укомплектованная. Летом 1942 года по железной дороге её перебросили в район Сталинграда и ввели в состав 21-й армии Сталинградского фронта.

Алексей сразу проявил свой боевой характер: энергичный, любопытный, инициативный, храбрый до безрассудства. Куда такого казака? Известное дело, в разведку. Так и определили разведчиком 83-й отдельной разведроты, которая напрямую подчинялась командиру полка.

После Сталинградской битвы, когда с армией Паулюса было покончено, дивизию передали 65-й армии, затем 5-й танковой. В марте 1943 года 321-й стрелковой дивизии было вручено гвардейское знамя, и она стала именоваться 82-й гвардейской стрелковой. Дивизия вошла в состав 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова. С этой армией она и дойдёт до Берлина.

Алексей Леонтьевич Ковалёв — полный кавалер ордена Славы. Солдатскую Славу 3-й степени получил в декабре 1944 года. В наградном листе говорится, что во главе группы в ночь на 15 декабря 1944 года юго-западнее населённого пункта Грабув Залесны в пяти километрах западнее Магнушева младший сержант Ковалёв ворвался в траншею противника, гранатами и из автомата вывел из строя вражеский пулемёт и его расчёт. Разведгруппа захватила пленных и доставила в расположение штаба полка.

Орден Славы 2-й степени разведчику вручили уже после Победы — 18 мая 1945 года. “29.3.45. младший сержант Ковалёв Алексей Леонтьевич, — говорится в наградном листе, — с разведчиками на окраине г. Кюстрин при отражении контратаки пр-ка гранатами и из автомата уничтожил ок. 10 враж. солдат, остальных обратил в бегство”.

Славу 1-й степени отважный разведчик и знаменосец получил год спустя 15 мая 1946 года. “28-29.4.45. младший сержант Ковалёв Алексей Леонтьевич, действуя во главе группы разведчиков в тылу врага на подступах к Берлину, внезапно атаковал дом, занимаемый пр-ком, уничтожил свыше 10 солдат, двоих взял в плен. При штурме укрепл. здания на вост. окраине парка Тиргартен истребил много гитлеровцев, фаустпатронами подавил 4 огн. точки”.

Что и говорить, Алексей Леонтьевич солдат лихой. Сорвиголова.

После окончания войны он прошёл медкомиссию. Поскольку тяжёлых ранений не имел, а возраст подходящий, призывной, его оставили дослуживать. 82-я гвардейская дивизия вошла в состав Группы Советских оккупационных войск в Германии. Летом 1946 года её расформировали. В 1950 году Алексей Леонтьевич демобилизовался. Приехал на родину. Некоторое время работал в колхозе комбайнёром. Потом перебрался в Киев, работал на стройке, восстанавливал разрушенное войной. В ноябре 1951 года восстановился в армии. В 1964 году окончил Львовское военное инженерно-техническое училище. Служил в Управлении пожарной охраны Киева. В 1988 году присвоено воинское звание подполковника внутренних войск.

Награждён орденами Славы трёх степеней, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Участвовал в Параде Победы в Москве в 1985 году в честь 40-летия Великой Победы.

Умер Алексей Леонтьевич Ковалёв 8 сентября 1997 года.

Как и большинство фронтовиков, бывший разведчик о войне вспоминал неохотно. О многом просто-напросто помалкивал. Касалось это и последних боёв в Берлине. Служба у него проходила в хорошем городе, в хорошей конторе. Семья обеспечена. Рядом — верная жена Любовь, с которой в итоге

прожил сорок семь лет. У героя было всё, чтобы, как говорил один известный киногерой, спокойно встретить старость.

Но кое о чём старый солдат всё же проговорился удивлённой старухе своей... Историку Григорию Киселёву Любовь Ковалёва уже после смерти Алексея Леонтьевича пересказывала то, что слышала от мужа в минуты откровения: “Супруг был разведчиком. В ночь на 30 апреля 1945 года он с товарищами уже шёл по Берлину. Этой же ночью они попали в рейхстаг. Туда вошли 7 человек. В их числе были Абдулхаким Исмаилов и Леонид Горячев. Они не знали, что попали в рейхстаг. На улице стояла тёмная ночь, Берлин бомбили и обстреливали со всех сторон. Сплошной огонь и грохот. Вошли в здание с тыльной стороны. Начался бой, три часа выбивали оттуда генералов. Едва не погибли...”

Муж рассказывал, как в годы войны водрузил несколько знамён в разных городах. Всегда носил с собой полтора метра красного полотна, летом — под гимнастёркой, зимой — под фуфайкой. И на этот раз имел красную материю и искал выход на крышу. Поднялся по винтовой лестнице, а там высоко окошко. Оглянулся, думая, как бы повыше подпрыгнуть, и увидел, что немец ведёт его обезоруженного товарища Михаила Грушина. Прицелился, в общем, сделал своё дело. И оба полезли на купол. Алексею и 20 лет не было. Молодой, ловкий, глазастый. Был левшой, но хорошо стрелял и правой, и левой...

Конечно, это были знаки для наших, ведь разведчики часто ходили на задание ночью, в тыл врага, чтобы очистить дорогу для наступления войск. Алексей и Миша залезли на крышу, чтобы оставить флаг в знак того, что здание уже наше. Муж увидел громоотвод и хорошенько привязал к нему знамя, да и спрыгнул. А зрелище было страшное — сплошной грохот и огонь. Уже брезжил рассвет. Они нашли остальных и вышли из здания...

Когда уже рассвело, во дворе какого-то дома встретил немку. Спросил у неё: “Где рейхстаг?” Та и показала на купол, где красная тряпка болтается. Разведчики, понятное дело, поспешили назад, а там наши части уже оцепили здание. И никого не пускают внутрь. Обида-то какая! Ковалёв давай бегать вокруг рейхстага да показывать: вот, мол, мой автограф — мы были здесь. Да толку никакого. Вот тогда и увидел его Халдей, которому было дано задание: сфотографировать того, кто первым поднимется со знаменем на рейхстаг. Знамя у него было свое: он взял черенок от лопаты, красную скатерть наподобие той, что накрывали столы в президиуме, нарисовал серп и молот, прикрепил полотнище к палке и с таким знаменем вылетел в Берлин. А как увидел моего Ковалёва, как тот мечется у рейхстага, так попросил его показать, как разведчики заходили в здание. Алексей Леонтьевич согласился и взял с собой двоих своих товарищей — Исмаилова и Горячева...”

Группа младшего сержанта Ковалёва действительно оказалась в рейхстаге, забрела совершенно случайно, даже не предполагая, что этот тот самый рейхстаг, который вот уже несколько суток безуспешно штурмуют ударные части целой армии. И красный флаг эта группа над зданием водрузила. И — не первой ли?..

Так что вот сколько их, а кто первым, кто не первым был — неважно, главное другое — то, что оно было водружено, Знамя Великой Победы!